Еврейский антифашистский комитет в СССР: история, память, уроки

Составители: Илья Альтман, Константин Пахалюк, Светлана Тиханкина

МОСКВА – 2022

«РОССИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА ХОЛОКОСТА»

Еврейский антифашистский комитет в СССР: история, память, уроки

Составители: Илья Альтман, Константин Пахалюк, Светлана Тиханкина

МОСКВА, 2022

УДК 63.3(0)62
ББК 94(100) «1939/1945»
М94
ISBN

«РОССИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА ХОЛОКОСТА»

И. А. Альтман (отв. редактор), А. Е. Гербер, Ю. А. Домбровский, Ю. И. Каннер, Б. Н. Ковалев, Г. В. Костырченко, Е. С. Розенблат (Беларусь), Л. А. Тёрушкин, С.А. Тиханкина, д-р К. Феферман (Израиль), д-р А. Шнеер (Израиль)

Еврейский антифашистский комитет в СССР: история, память, уроки. / Сборник материалов Международной конференции, Москва, 20 мая 2022 г.// Сост. И. А. Альтман, К. А. Пахалюк, С. А. Тиханкина. // Под ред. И. А. Альтмана. – М.: Центр «Холокост», 2022. – 101 с.

В сборнике публикуются доклады одноименной конференции, проходившей 20 мая 2022 г. в Москве. Они содержат анализ как ключевых, так и малоизвестных аспектов деятельности ЕАК, его руководителей и деятелей еврейской культуры, в том числе по сохранению памяти о Холокосте. Рассчитан на историков, педагогов, учащихся, архивных и музейных работников.

© Центр «Холокост», 2022

Оглавление

Илья Альтман
От редактора**……5**

Геннадий Костырченко (Россия)
ЕВРЕЙСКИЙ АНТИФАШИСТСКИЙ КОМИТЕТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПАТРИОТИЧЕСКАЯ МИССИЯ И БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ ВЫЖИВАНИЕ И ДОСТОИНСТВ**……...… 9**

Илья Альтман (Россия)
ЕАК И «НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» **…….26**

Алла Зускина-Перельман (Израиль)
ВМЕСТО ПРИВЕТСТВИЯ (О ЕВРЕЙСКОМ АКТЕРЕ В. ЗУСКИНЕ) **…....35**

Любовь Лаврова (Россия)
ФОНД ИЦИКА ФЕФЕРА В АРХИВЕ НПЦ «ХОЛОКОСТ»: СОСТАВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ **……..…… 39**

Александр Энгельс (Франция)
ГЕНЕРАЛ КРЕЙЗЕР: НА ПОЛЕ БОЯ И В ЕВРЕЙСКОМ КОМИТЕТЕ **….. 45**

Марат Бисенгалиев (Россия)
МАЛЕНКОВ И ЛОЗОВСКИЙ: ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ ……...……**53**

Ольга Селицкая (Россия)
РОЛЬ «ЧЁРНОЙ КНИГИ» В СУДЬБЕ ЕВРЕЙСКОГО АНТИФАШИСТСКОГО КОМИТЕТА **……..64**

Светлана Тиханкина (Россия)
«ЧЕРНАЯ КНИГА» О СУДЬБАХ ПЕДАГОГОВ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР ...……**70**

Юлия Волохова (Россия)
ЕВРЕЙСКИЙ АНТИФАШИСТСКИЙ КОМИТЕТ КАК СООБЩЕСТВО ПАМЯТИ **……..81**

Джошуа Рубинштейн (США)
КАМПАНИЯ ПО ДЕЗИНФОРМАЦИИ О «ДЕЛЕ ЕАК» **…… 88**

Ирина Горюнова (Россия)
ФОРМЫ УВЕКОВЕЧЕНИЯ ПАМЯТИ ЧЛЕНОВ ЕВРЕЙСКОГО АНТИФАШИСТСКОГО КОМИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА ИМ. С. МИХОЭЛСА **……... 93**

Сведения об авторах……100

От редактора

Представляем первую часть электронного издания материалов Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня создания Еврейского Антифашистского Комитета в СССР (ЕАК) и 70-летия со дня казни 13 его руководителей и сотрудников[1]. Она была организована Научно-просветительным Центром «Холокост», Международным научно-образовательным центром истории Холокоста и геноцидов Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Международным Центром им. Соломона Михоэлса при поддержке Советского Фонда мира (СФМ).

Первый день конференции прошел 20 мая в здании СФМ, где с августа 1943 г. по 20 ноября 1948 г. размещался ЕАК[2]. Ее открыл профессор РГГУ, сопредседатель Центра «Холокост» и член правления СФМ Илья Альтман. С приветственным словом к участникам конференции обратился посол Израиля в РФ:

---

[1] См. подробнее: В Москве прошла научная конференция по истории Еврейского антифашистского комитета СССР // ОТР — Общественное Телевидение России. URL: https://otr-online.ru/programmy/kulturnyy-sezon-s-otr/v-moskve-proshla-nauchnaya-konferenciya-po-istorii-evreyskogo-antifashistskogo-komiteta-sssr-60004.html (дата обращения: 10.07.2022); Проект Международная научная конференция «Еврейский антифашистский комитет в СССР: история, память, уроки» // Советский Фонд мира. URL: https://mafm.ru/2022/05/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82-%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%BD%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B5%D1%80/ (дата обращения: 10.07.2022); Международная научная конференция «Еврейский антифашистский комитет в СССР: история, память, уроки» // РГГУ. 2022. 20 мая. URL: https://www.rsuh.ru/anons/detail.php?ID=841793&lang=ru&; Глава архива Центра «Холокост» Леонид Тёрушкин: «Не собираемся останавливаться на достигнутом» // Stegmi. 2022. 5 мая. URL: https://stmegi.com/posts/98163/glava-arkhiva-tsentra-kholokost-leonid-tyerushkin-ne-sobiraemsya-ostanavlivatsya-na-dostignutom/? (дата обращения: 10.07.2022); Конференция «Еврейский антифашистский комитет в СССР: история, память, уроки» // Москва Events. Еврейское приложение. 2022. 20 мая. URL: https://msk.jevents.ru/2022/konferentsiya-evrejskij-antifashistskij-komitet-v-sssr-istoriya-pamyat-uroki/? (дата обращения: 10.07.2022); «Еврейский антифашистский комитет в СССР: история, память, уроки» // Вестник архивиста. URL: https://www.vestarchive.ru/konferencii/5051-levreiskii-antifashistskii-komitet-v-sssr-istoriia-pamiat-yrokir-mejdynarodnaia-naychnaia-konf.pdf (дата обращения: 10.07.2022); Михайлова И. С Пречистинки на Лубянку // Литературная газета. 2022. 25 мая. URL: https://lgz.ru/article/-21-6835-25-05-2022/s-prechistenki-na-lubyanku (дата обращения: 10.07.2022).

[2] В здании на Пречистенке, 10, в разные годы жили Исаак Левитан (снимал в 1885 г. меблированную комнату) и Борис Пастернак (как учитель сына владельца особняка; в 1915 г. в ходе антинемецкого погрома здесь сгорели его книги и архив).

На фото: Выступает Александр Бен-Цви

«Тема сегодняшней конференции очень важна. Это — часть нашей общей истории – истории Советского Союза, России, Израиля и еврейского народа. Сегодня потомки этих людей (*руководителей Еврейского антифашистского комитета в СССР – Ред*.) живут в разных странах. То, что они могут нам рассказать – бесценные материалы. Именно прямая передача знаний от тех, кто помнит, от тех, кто слышал эти истории от своих родителей – несёт в себе большое значение. Для нас очень важно суметь передать это знание будущим поколениям» — заявил он.

Выступая с приветствием к участникам конференции, первый проректор РГГУ, профессор Ольга Павленко отметила роль университета в сохранении памяти о Холокосте и еврейской культуре.

На фото: И. А. Альтман и О. В Павленко

С докладами выступили авторы монографий и статей, составители сборников документов о деятельности ЕАК и его активных членов, а также молодые исследователи.

Центральное место в сборнике занимает статья о деятельности ЕАК доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института Российской истории РАН Геннадия Костырченко. Отдельный блок

представляют статьи о жизни и судьбе членов президиума ЕАК. Алла Зускин-Перельман (Израиль) представила текст о своем отце, знаменитом актере Вениамине Зускине. Александр Энгельс (Франция), автор биографической книги о генерале Я. Крейзере, рассказывает о его связях с ЕАК. На основе коллекций архива Центра «Холокост» независимый исследователь Любовь Лаврова (Москва) впервые представила уникальный личный фонд поэта Ицика Фефера. Марат Бисенгалиев (Москва) исследовал вопрос о связях куратора ЕАК, одного из руководителей Совинформбюро С. А. Лозовского с находившимся с ним в родственных связях одного из организаторов суда по делу ЕАК члена Политбюро Г. М. Маленкова. Сотрудник Российского государственного архива экономики Ольга Селицкая исследует место «Черной книги» в деятельности ЕАК.

На фото: Участники конференции

Руководитель образовательных программ Центра «Холокост», аналитик Центра РГГУ Светлана Тиханкина обратила внимание собравшихся на информационный потенциал этого издания, проанализировав по тексту «Черной книги» судьбы педагогов в годы Холокоста. Юлия Волохова, редактор образовательного проекта «Лаборатория ненужных вещей» при Независимом московском университете, рассматривает ЕАК как особое социальное сообщество, объединявшее интеллектуалов, фронтовиков и простых людей, переживших ужасы войны и потерявших близких в результате нацистского террора.

Проблеме замалчивания и фальсификации в Советском Союзе «дела ЕАК» в СССР посвящена статья биографа Ильи Эренбурга, многолетнего сотрудника Русского Центра Университета Гарварда Джошуа Рубинштейн (Бостон, США). Художественный руководитель Международного Центра им. Соломона Михоэлса, профессор МГУ им. Ломоносова, заслуженный деятель искусств России Ирина Горюнова рассказывает о мемориализации в современной России Еврейского Антифашистского Комитета и его руководителя С. Михоэлса, а также о роли в этом историческом контексте народного артиста России, известного общественного деятеля Михаила Глуза.

Второй день конференции, проходивший в Историко-архивном институте РГГУ, был посвящен проблемам терминологии и характеристике разных категорий жертв оккупационного режима. Материалы круглого стола, который был посвящен этим вопросам, будут опубликованы отдельно.

Илья Альтман

ЕВРЕЙСКИЙ АНТИФАШИСТСКИЙ КОМИТЕТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПАТРИОТИЧЕСКАЯ МИССИЯ И БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ ВЫЖИВАНИЕ И ДОСТОИНСТВО

THE JEWISH ANTI-FASCIST COMMITTEE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: PATRIOTIC MISSION AND STRUGGLE FOR NATIONAL SURVIVAL AND DIGNITY

Г. В. Костырченко (Россия, Москва)
G. V. Kostyrchenko

Аннотация: Евреи внесли большой вклад в победу Советского Союза в Великой Отечественной войне, причем не только сражаясь в составе вооруженных сил и напряженно работая в тылу. Еврейская интеллигенция, которая, сохранив национальную идентичность, объединилась вокруг Еврейского антифашистского комитета (создан при Советском информационном бюро), активно участвовала и в пропагандистской борьбе с врагом, а также в мобилизации мирового еврейства на оказание материальной помощи Красной армии. Однако и патриотическая деятельность ЕАК и особенно его попытки содействовать национальному выживанию еврейства после Холокоста серьезно осложнялись антисемитской активностью бюрократии, негласно поощряемой сталинским руководством.

Annotation: Jews made a great contribution to the victory of the Soviet Union in the Great Patriotic War, and not only fighting as part of the armed forces and working hard in the rear. The Jewish intelligentsia, which, having preserved its national identity, united around the Jewish Anti-Fascist Committee (established under the Soviet Information Bureau), actively participated in the propaganda struggle against the enemy, as well as in the mobilization of world Jewry to provide material assistance to the Red Army. However, the patriotic activities of the JAC and especially its attempts to promote the national survival of Jewry after the Holocaust were seriously complicated by the anti-Semitic activity of the bureaucracy, tacitly encouraged by the Stalinist leadership.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Советский Союз, евреи, Еврейский антифашистский комитет, сталинское руководство, антисемитизм.

Key words: The World War II, the Great Patriotic War, the Soviet Union, Jews, the Jewish Anti-Fascist Committee, Stalin's leadership, anti-Semitism.

Создание ЕАК

Смертельная угроза, нависшая над СССР после нападения на него 22 июня 1941 г. гитлеровской Германии, заставила советское руководство начать ради спасения страны тотальную мобилизацию всех ресурсов, в том числе и пропагандистских. Поэтому секретарь ЦК ВКП(б) и начальник Совинформбюро (СИБ)[1] А. С. Щербаков не стал возражать, когда его заместитель в СИБ и замнаркома иностранных дел СССР С. А. Лозовский предложил привлечь к сотрудничеству национальную еврейскую интеллигенцию. И это притом, что еще перед войной стали проявляться в политике властей элементы государственного антисемитизма[2].

Первая крупная акция с участием еврейской национальной интеллигенции прошла 24 августа 1941 г. в виде радиомитинга, участники которого (видный еврейский театральный артист и режиссер С. М. Михоэлс, поэты П. Д. Маркиш и С. Я. Маршак, писатель И. Г. Эренбург и др.) заклеймили гитлеровских агрессоров, призвав демократический Запад морально и материально поддержать сражающийся Советский Союз[3]. Прозвучавшее из Москвы «Обращение к мировому еврейству» вызвало горячий отклик в США и других союзных странах и дало мощный импульс возникновению там организаций общественной солидарности по сбору средств для нужд Красной армии: Американский комитет еврейских писателей, артистов и ученых (АКЕПАУ; The American Committee of Jewish

[1] Советское информационное бюро при СНК СССР было образовано 24 июня 1941 г.

[2] Подробно см.: Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм (Новая версия): в 2 ч. Ч. 1. М., 2015. С. 345–374.

[3] В 1942–1944 гг. в Москве состоялись еще два еврейских радиомитинга.

Writers, Artists and Scientists) и Еврейский комитет Совета помощи России в войне (The Jewish Committee of the Council for Russian War Relief) в США; Еврейский фонд для Советской России (The Jewish Fund for Soviet Russia) в Англии; Еврейская лига помощи Советскому Союзу (The Jewish League for the Soviet Union) в Мексике; другие аналогичные структуры в Южной Африке, Австралии, Палестине, Южной Америке[1].

Следующим важным этапом в пропагандистском использовании еврейской творческой интеллигенции стало создание из ее представителей постоянно действующей общественной организации, наподобие тех четырех антифашистских комитетов, что возникли при СИБ осенью 1941 г., – Всеславянского, Женского, Молодежного и Советских ученых. Однако формирование аналогичной еврейской структуры столкнулось с определенными трудностями. И не только потому, что ситуация на фронте становилась для СССР все более критической. Дело в том, что, отодвинув Лозовского на второй план, альтернативный проект так называемого Еврейского антигитлеровского комитета (ЕАГК) предложил нарком внутренних дел Л. П. Берия. Во главе этой международной организации он поставил руководителей польского Бунда Хенрика (Герша–Вольфа) Эрлиха (член II Интернационала, зять историка С. М. Дубнова) и Виктора Альтера (председатель еврейских профсоюзов Польши), которые, спасаясь осенью 1939 г. от вторгшихся в Польшу гитлеровцев и оказавшись на отошедшей к СССР территории, были арестованы органами НКВД. Дав 11 сентября 1941 г. согласие Берии на сотрудничество советской госбезопасностью, они обрели свободу. Тот же Берия подготовил в начале октября обращение к Сталину с просьбой одобрить проект создания ЕАГК. Подписавшие его Эрлих и Альтер предлагались в нем в качестве соответственно председателя и ответственного секретаря ЕАГК, а Михоэлс – вице-председателя. Но занятый решением более важных проблем (враг стоял у стен Москвы!) вождь не ответил. В ходе

[1] Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948. Документированная история / Под ред. Ш. Редлиха и Г.В. Костырченко. М., 1996. С. 35–47.

массовой эвакуации из Москвы Эрлих и Альтер выехали 15 октября в Куйбышев, где стали агитировать перебравшихся туда западных дипломатов за создание филиалов ЕАГК в союзных странах, а отдельно с американским послом обсудили еще и идею формирования в США Еврейского легиона и отправки его на советско-германский фронт. Кроме того, Эрлих и Альтер обсуждали с представителями союзников свой выезд на Запад, чего Берия не мог допустить. 4 декабря 1941 г. они были арестованы и заключены в куйбышевскую Внутреннюю тюрьму НКВД[1], откуда так и не вышли. Эрлих повесился в камере 14 мая 1942 г., а Альтера расстреляли 17 февраля 1943 г.[2]

Обжегшись на иностранцах в создании еврейской внешней пропагандистской организации, советское руководство переориентировалось на полностью подвластную ему советскую общественность, вновь задействовав Лозовского. Тот сразу реанимировал свой старый план создания при СИБ Еврейского антифашистского комитета (ЕАК).

Председателем ЕАК был назначен Михоэлс (утвержден в ЦК 15 декабря 1941 г.), его заместителем и ответственным секретарем – журналист А. Б. (Шахно) Эпштейн, ставший в ЕАК «недреманным оком» власти. Правда, из-за того, что еврейскую интеллектуальную и творческую элиту разметала по стране эвакуация, весь состав ЕАК (23 чел.) был определен только весной 1942 г. Когда в апреле 1944 г. комитет расширился до 63 чел., был образован его президиум, в который вошли помимо Михоэлса и Эпштейна поэты И. С. Фефер, С. З. Галкин, Маркиш, академик-физиолог Л. С. Штерн, врач Б. А. Шимелиович, писатели Бергельсон, Л. М. Квитко и др.[3]

Более или менее полноценно ЕАК заработал с конца апреля 1942 г., сначала в Куйбышеве, а с августа 1943 г. в Москве, куда возвратились к тому времени из эвакуации его руководители и члены. В столице комитет разместился на центральной Кропоткинской улице вместе с редакцией своей

---

[1] Трубин С. «Товарищ Сталин одобрил этот текст…» // Щит и меч. 1992. 3 сент. № 36 (126). С. 13.
[2] Там же.
[3] Петрова Н. К. Антифашистские комитеты в СССР: 1941–1945. М., 1999. С. 325–328.

выходившей на идише газеты «Эйникайт» («Единение»), редактируемой Фефером.

Пропагандистская деятельность, сбор средств в Фонд обороны

Как организация ЕАК впервые заявил о себе 24 мая 1942 г. 2-м радиомитингом, принявшим «Обращение к мировому еврейству» с призывом к зарубежным соплеменникам, прежде всего к американцам, приобрести 1000 танков и 500 боевых самолетов для Красной армии[1]. Очень быстро после этого ЕАК приобрел широкую международную известность. В начале марта 1943 г. в его адрес поступила из Нью-Йорка телеграмма Еврейского комитета Совета помощи России в войне, приглашавшего представителей советского еврейства посетить США.Поскольку они, как заверялось, смогут собрать «огромные суммы» для Красной армии, Кремль с готовностью принял такое заманчивое предложение. И уже 3 мая советская делегация в составе Михоэлса и Фефера (последний как член партии и лицо, связанное с НКГБ, был назначен негласным руководителем) вылетела в США[2]. Первое выступление представителей евреев СССР прошло 8 июля с большим успехом на нью-йоркском стадионе «Поло-Граундс», где на 47-тысячном митинге Михоэлса и Фефера приветствовали еврейский писатель Шолом Аш, афроамериканский певец Поль Робсон, писатель Эптон Синклер, другие видные общественно-культурные деятели США.

Помимо Нью-Йорка, Михоэлс и Фефер побывали в Питтсбурге, Чикаго, Детройте, Бостоне, всего в 15 крупных городах США. В университетском Принстоне (штат Нью-Джерси) Михоэлс и Фефер встретились с Альбертом Эйнштейном. На западном побережье они участвовали в 10-тысячном митинге в Сан-Франциско. Затем в Лос-Анджелесе выступили на 7-тысячном митинге и посетили Голливуд, где их приветствовали актеры Чарли Чаплин, Жан

---

[1] Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948. С. 61–63.

[2] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 59. Л. 29. Д. 35. Л. 62–63. Д. 106. Л. 1–3. Д. 112. Л. 126; Советско-израильские отношения. Сб. док. В 2 т. / Под ред. Б. Л. Колоколова и Э. Бенцура Т. 1. Кн. 1. М., 2000. С. 68–70; Неправедный суд. Последний сталинский расстрел (стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета / Сост. В. П. Наумов, Н. В. Тепцов и др. М., 1994. С. 146–149, 154, 159.

Ренуар, Эдди Кантор, писатели Томас Манн, Лион Фейхтвангер, Теодор Драйзер. Кроме того, представители ЕАК встретились в США с президентом Всемирной сионистской организации Хаимом Вейцманом и руководителями Всемирного еврейского конгресса Нахумом Гольдманом и раввином Стивеном Уайзом.

В Новом Свете Михоэлс и Фефер побывали также в Мексике и Канаде, а на обратном пути заехали еще и в Англию. Их зарубежная поездка, продлившаяся почти полгода и завершившаяся возвращением в Москву 26 ноября 1943 г., оказалась чрезвычайно успешной. Только на проведенных в ходе нее митингах в США побывало более 500 тыс. чел. Подобные массовые мероприятия заметно подхлестнули международную еврейскую общественность в сборе средств для сражающегося СССР. За годы войны эта помощь составила в денежном эквиваленте более 45 млн долларов США, что по современному курсу превышает 800 млн[1].

Крымский проект

Но это будет потом, а по возвращении руководителей ЕАК в Москву в конце 1943 г. из зарубежной командировки они были преисполнены самых смелых планов и радужных иллюзий, прежде всего, относительно самого главного – создания реальной национально-территориальной автономии в европейской части СССР (взамен формально-пропагандистской в виде Еврейской автономной области на Дальнем Востоке). С целью сосредоточения, консолидации и последующего этнокультурного развития советских и восточноевропейских евреев, переживших после Холокоста, Михоэлс, Фефер выдвинули проект еврейской республики в Крыму, идея которого возникла в ходе их пребывания в США. Конкретно она родилась на встречах с топ-менеджером благотворительной организации «Джойнт» (American Jewish Joint Distribution Committee) Дж. Розенбергом. Тот еще в 1926 г. участвовал, приезжая в СССР, в обсуждении аналогичного плана. И вот

[1] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 8114. Оп. 1. Д. 916. Л. 27–32.

спустя 17 лет он заверил Михоэлса и Фефера, что «Джойнт» вновь готов финансово поддержать крымский проект. А те, охваченные энтузиазмом, сразу по возвращении в Москву сообщили Лозовскому об этом предложении[1]. Последний заинтересовался им, пообещав вывести руководителей ЕАК на наркома иностранных дел В. М. Молотова. И чтобы эта встреча не сорвалась, Михоэлс для верности переговорил еще и со своей давней покровительницей женой Молотова Полиной Жемчужиной. Она тоже позитивно восприняла задумку о новой еврейской автономии, заявив, что «проект о Крыме − очень актуальный, и его немедля следует поставить перед правительством»[2]. В результате Михоэлс и Фефер, захватив с собой Эпштейна, смогли уже вскоре попасть в Кремль. Принятые там Молотовым, они представили ему не только свои соображения по Крыму, но и обсудили создание еврейской республики на месте бывшей АССР немцев Поволжья. Данную альтернативу, выдвинутую Эпштейном, Маркишем и некоторыми другими еаковцами, Молотов сразу отверг. При этом так и не сказал ничего определенного о возможном отношении Сталина и Политбюро в целом к крымскому проекту, однако, завершая разговор, все же осторожно посоветовал руководителям ЕАК: «Пишите письмо, и мы его посмотрим»[3].

И такая записка о создании в Крыму «Еврейской Советской Социалистической Республики» была отправлена Сталину 15 февраля 1944 г.[4] Что же вызвало появление на свет этого подписанного Михоэлсом, Фефером и Эпштейном обращения, очень неоднозначно трактуемого (зачастую с диаметрально противоположных позиций!) – или как вопль отчаяния народа, перенесшего геноцид, или как наносившее ущерб другим народам проявление национального эгоизма? Известно, что ему предшествовал поток писем в ЕАК, чьи авторы, скорбя по колоссальным жертвам, понесенным еврейским народом в годы войны, предлагали в интересах национального возрождения

---

[1] Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. М., 1994. С. 173.
[2] Борщаговский А. М. Обвиняется кровь. М., 1994. С. 128–130.
[3] Неправедный суд. С. 28.
[4] ГА РФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 792. Л. 32–36.

наделить его такой реальной государственностью, которая могла бы стать реальной альтернативой формально-пропагандистской еврейской автономии на Дальнем Востоке[1]. Именно порожденная Холокостом гипертрофия национальных чувств и явилась главной предпосылкой возникновения «крымского» письма. Евреям, только что пережившим беспрецедентную национальную трагедию, хотелось верить, что они вправе надеяться на достойное воздаяние. Один из авторов «крымского» обращения Фефер, который за подпись на нем получил в 1952 г. смертный приговор, прочувственно заявил перед его вынесением: «Да, вы не найдете такого народа, который столько выстрадал бы, как еврейский народ. Уничтожено 6 миллионов евреев из 18 миллионов – одна треть. Это большие жертвы. И мы имели право на слезу и боролись против фашизма»[2].

После отправки Сталину «крымского письма» Михоэлс, видимо, не сомневавшийся в позитивной реакции в верхах, очевидно, надеялся, что та проявится очень быстро. Однако проходили дни, а ответа из Кремля все не было. И тогда он вновь встретился с Жемчужиной, которая, разделив его обеспокоенность, посетовала: «Там, наверху, плохо относятся к еврейской национальности, поэтому разрешение наших вопросов тормозится…» На следствии Фефер так прокомментировал эту фразу: «Из всего разговора с Михоэлсом было ясно, что Жемчужина обвиняет… Сталина»[3].

И все же Михоэлс продолжал надеяться на лучшее. 21 февраля он передал Жемчужиной дубликат «крымского» письма, адресованный уже непосредственно Молотову. Обещая передать его непосредственно мужу, та сказала многозначительно: «Можно жить где угодно, но надо иметь свой дом и крышу»[4].

---

[1] См., например, письмо сотрудника Постпредства СНК Литовской ССР при СНК СССР в Москве Я. Б. Виницкиса от 14 января 1944 г.: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос: в 2 кн. Кн. 2: 1933–1945 / Сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, Дж. Кадио. М., 2009. С. 783–785.

[2] Неправедный суд. С. 25, 34.

[3] Борщаговский А. М. Указ. соч. С. 128–129.

[4] Неправедный суд. С. 28, 174, 179, 280.

Однако все старания Михоэлса были напрасны. Хотя нет документальных подтверждений ознакомления Сталина с «крымским письмом», наиболее вероятно следующее развитие событий. Прочитав это послание, он сразу же негативно отнесся к изложенному в нем проекту. И не только потому, что тот шел вразрез с официально декларированным еще в 1936 г. дальневосточным решением еврейского вопроса в СССР[1]. Существует масса доказательств, что вождь был явно предубежден против евреев и уже поэтому никогда не санкционировал бы их автономию на территории геополитически важного полуострова.

Прессинг на ЕАК как «наркомат по еврейским делам»

История с «крымским письмом» убедительно свидетельствует о том, что ЕАК было тесно в заданных сверху рамках внешнепропагандистского функционала, и он подспудно позиционировал себя общественным репрезентантом национальных чаяний и интересов евреев, их ходатаем перед властями. Так что реальная деятельность ЕАК не ограничилась официальными рамками, что выразилось в виде настойчивых попыток явочным порядком опекать своих соплеменников – управленческую и творческую интеллигенцию, военнослужащих, простых граждан – в сложных жизненных ситуациях, во множестве возникавших в условиях войны, особенно под воздействием антисемитизма. Вирус юдофобии оказался столь вирулентным, что его поражающее действие явственно ощущалось даже в глубоком советском тылу, на территориях, далеко отстоявших от линии фронта, – в Западной Сибири, Казахстане, Средней Азии. Именно там встречались потоки эвакуированных еврейских беженцев и отправлявшихся в тыл раненых фронтовиков и комиссованных из армии инвалидов – людей с опаленной войной психикой и так или иначе подвергавшихся на фронте воздействию гитлеровской пропаганды. Антисемитские настроения провоцировались еще и тем, что среди эвакуированных евреев было немало выходцев из Польши,

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 953. Л. 85–87; Известия. 1936. 26 окт.

которые уже одним своим экзотическим обликом (традиционный костюм, своеобразные прически с пейсами, длинные бороды, другие специфические элементы внешнего вида и манер), а также незнанием русского языка и полной неприспособленностью к реалиям советской жизни вызывали раздражение у местного населения. Вот что писал по этой связи Шимелиович: «В Узбекистан, Казахстан и другие среднеазиатские республики эвакуировались в начале Отечественной войны около полутора миллионов евреев... Положение всей этой массы эвакуированных, бежавших уже второй раз от гитлеровских жертв, трагическое. Не только неделями, а месяцами семьи валяются на привокзальных площадях под открытым небом, голые, голодные... Процент смертности среди еврейских беженцев, особенно среди детей и стариков, от голода и эпидемий очень высок и достигает 25 или 30 %. Местные органы власти почти ничего не делают для устройства эвакуированных на работу. Отношение к ним со стороны коренного населения весьма недружелюбное. <...> При чтении нашей общей прессы создается впечатление, что в СССР не существует еврейского народа, который активно участвует в Отечественной войне и выдвинул из своих рядов многих славных героев»[1].

Наибольшее количество антисемитских эксцессов пришлось на 1941–1942 гг., а происходили они преимущественно в городах и сельской местности Казахстана и Средней Азии, где зачастую возникали при обустройстве евреев на новых местах (проблемы с жильем и работой) или на рынках, на которых доставалась не только евреям польским, но и «русским» (главным образом, из числа «понаехавших» служащих эвакуированных предприятий и учреждений). Те и другие, будучи зажиточней коренного населения, сорили деньгами при покупке продуктов питания и других товаров, что вызывало зависть у местных обывателей и способствовало взвинчиванию цен.

Что касается вспышек юдофобии в период 1943–1945 гг., то они были связаны, главным образом, с реэвакуацией евреев в родные освобожденные от

[1] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1012. Л. 78.

оккупантов места и прежде всего происходили при попытках вернуть себе прежние жилые помещения или личные вещи, которые были за время отсутствия соответственно заняты и расхищены другими людьми[1].

Воспринимая бытовую юдофобию как опасное для стабильности воюющей страны и чреватое социальным хаосом проявление охлократической стихии, советское государство хоть и боролось с ней, однако, будучи само поражено антисемитизмом, оно не могло по закону сообщающихся сосудов не подпитывать антиеврейские настроения в обществе. Даже в условиях войны государственный антисемитизм продолжал подспудно набирать силу, особенно рельефно заявляя о себе закулисными кадровыми разборками в сферах культуры, пропаганды и гуманитарных наук[2]. То же самое происходило в завуалированной форме даже в партийной печати. Скажем, в журнале ЦК ВКП(б) «Большевик» появилась в январе 1943 г. статья председателя Президиума Верховного Совета РСФСР и заместителя председателя Президиума Верховного Совета СССР А. Е. Бадаева. В ней этот старый большевик и бывший депутат IV Государственной думы привел статистику награждений боевыми орденами и медалями военнослужащих разных национальностей за июнь 1941 – декабрь 1942 г. Указав вначале сколько таким образом было отмечено русских, украинцев, белорусов, представителей других титульных народов союзных и автономных республик, а затем перечислив (уже без цифр) все остальные советские этносы, чьи воины были награждены, он в самый конец поставил евреев, явно принизив их заслуги в вооруженной борьбе с врагом. Ведь по данным главного управления кадров Наркомата обороны СССР на 15 января 1943 г., евреи занимали по количеству награжденных четвертое место (6767 чел.), пропустив вперед только русских (187 178 чел.), украинцев (44 344 чел.) и белорусов (7210 чел.). К тому же к 1 июня 1943 г. они, опередив белорусов, даже вышли на третье место в этом

[1] Еврейский антифашистский комитет в СССР. С. 103.
[2] Подробно: Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина, Власть и антисемитизм (Новая версия): в 2 ч. Ч. 1. С. 438–480.

рейтинге (11 908 награжденных), к 1 января 1944 г. численность евреев, у

д Возмущенные пренебрежительным отношением Бадаева к ратным в заслугам целого народа, Михоэлс и Эпштейн пожаловались 2 апреля 1943 г. Щербакову, выразив опасение, что такая некорректная подача информации может быть использована «гитлеровскими агентами в распространении слухов о том, что евреи не воюют». Однако это письмо руководителей ЕАК было оставлено без последствий и отправлено в архив[2]. Причиной тому могло послужить то обстоятельство, что Щербаков, который всегда испытывал повышенную озабоченность «еврейским вопросом», был в то время еще и серьезно раздражен отчетом Михоэлса о Втором пленуме ЕАК, прошедшем 18–20 февраля 1943 г. Об этом свидетельствовал выражавший недоумение жирный вопросительный знак секретаря ЦК, поставленный в этом документе красным карандашом напротив фразы Михоэлса о том, что «второй пленум ЕАК прошел под знаком Вашего (*Щербакова. – Г.К.*) указания… больше и ярче подчеркнуть героизм еврейских масс Советского Союза против фашизма»[3].

ы Не понравились на Старой площади и выступления на том пленуме Маркиша (призвал проявить «больше чуткости» к «страдающим» в эвакуации «еврейским массам») и особенно Эренбурга, прямо заявившего, что «ради пропаганды против фашизма среди евреев за рубежом нечего было создавать Еврейский антифашистский комитет, ибо евреи меньше всего нуждаются в антифашистской пропаганде <…> главная задача ЕАК – в борьбе против антисемитизма у нас в стране»[4]. Эренбургу не спустили подобного «идейного шатания». Подготовленное им вскоре обращение СИБ к американским евреям было забраковано замначальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Н.И. Кондаковым, заявившим: «Незачем упоминать о подвигах

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 127. Л. 125, 200, 220; Блокнот агитатора Красной Армии. 1944. № 3. С. 46.
[2] Там же. Л. 175–175 об.
[3] Там же. Л. 175 об.
[4] ГА РФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 903; Эйникайт. 1943. 15 марта.

евреев-солдат Красной армии: это бахвальство»[1]. А когда уязвленный этим Эренбург пожаловался Щербакову, тот стал распекать писателя: «Вы должны понять настроение русских людей <…> Солдаты хотят услышать о Суворове, а вы цитируете Гейне <…> Бородино теперь ближе, чем Парижская Коммуна <...> Вы многого не понимаете»[2].

Однако Эренбург не внял предостережению главного партидеолога. Выступая в апреле 1944 г. на третьем митинге еврейской общественности, он продолжил настаивать на своем, сказав: «Трупный яд (*антисемитизма. – Г. К.*) опасен для всех народов. Предрассудки распространяются быстрее, нежели познания. Прививку нужно найти, изготовить, переслать, а микробы путешествуют без виз и без лицензий»[3].

И хотя в борьбе с антисемитизмом Эренбург не шел далее критики мелких и средних чиновников и открыто не затрагивал сталинских верхов, позволяя себе разве что завуалированные намеки в отношении последних, это навлекло серьезные неприятности на его голову. Но наказание последовало не сразу. Пока фашисты были сильны и с ними велась ожесточенная вооруженная борьба, Эренбурга ограждала от номенклатурной мести широкая востребованность его хлесткой антинемецкой публицистики фронтом и тылом[4]. Однако после того как боевые действия перекинулись на территорию рейха и его скорый разгром стал очевидным, бюрократия смогла расквитаться с Эренбургом, благо на него можно было переложить всю ответственность за издержки официальной пропаганды «священной ненависти к врагу», особенно за шовинистические перегибы конца 1944 – начала 1945 гг. То, что Агитпроп уготовил писателю роль «козла отпущения», стало очевидным, когда

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 158. Л. 17–20.

[2] Там же; Звенья. Исторический альманах. Вып. 1 / Ред.-сост. Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. М., 1991. С. 550. ГА РФ. Ф. 8581. Оп. 2. Д. 167. Л. 10–11; Эренбург И. Люди, годы жизнь: фрагменты, запрещенные цензурой / Подг. Б. Я. Фрезинским // Независимая газета. 1991. 29 янв. С. 5.

[3] Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948. С. 80.

[4] Утверждавший с начала войны, что «немец по природе своей зверь», Эренбург писал в марте 1944 г.: «Я не люблю немцев (не только нацистов, но и нацию)». Даже допуская, что и среди немцев есть добрые и порядочные люди, он по поводу их оговаривался: в условиях войны, развязанной агрессивным нацизмом, они подобны божьей коровке на спине обезумевшего разъяренного слона, уничтожающего все живое на своем пути (Советские евреи пишут Эренбургу / Сост. М. Альтшулер, И. Арад, Ш. Краковский. Иерусалим, 1993. С. 135).

начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров выставил его в «Правде» чуть ли не главным вдохновителем жестокостей и насилия в отношении гражданского населения, порой чинившихся при входе советских войск на территорию Германии[1]. Обескураженный такой показательной моральной поркой, Эренбург уже на следующий день обратился к Сталину, надеясь, что тот его защитит, как это было неоднократно прежде. «Я выражал не какую-то свою линию, а чувства нашего народа, <…> – писал Эренбург. – Ни редакторы, ни Отдел печати мне не говорили, что я пишу неправильно… Статья, напечатанная в Ц[ентральном] О[ргане], естественно, создает вокруг меня атмосферу осуждения и моральной изоляции. Я верю в Вашу справедливость и прошу Вас решить, заслужено ли это мной»[2].

Однако это послание, вследствие сложившейся номенклатурной практики взаимного прикрытия («перекрестного опыления»)[3], так и не дошло до адресата, а оказалось в секретариате Маленкова, который поспешил похоронить его в архиве. Но дабы удержать Эренбурга от нового обращения к вождю, цековское начальство при этом решило все же пойти с писателем на мировую: дало добро на публикацию 10 мая в «Правде» его большой статьи. Хорошо усвоив преподанный сверху урок послушания и в полной мере осознав опасную социально-политическую накаленность «еврейского вопроса», Эренбург с тех пор дистанцировался от ЕАК.

Однако такого рода благоразумием не был наделен главврач Боткинской больницы и член президиума ЕАК Борис Шимелиович, показавший себя, пожалуй, самым последовательным и бесстрашным борцом с антисемитизмом.

---

[1] Товарищ Эренбург упрощает // Правда. 1945. 14 апр.
20 апреля 1945 г. появился приказ Ставки Верховного Главнокомандования, потребовавший от наступавших войск «изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и гражданскому населению и обращаться с ними лучше», поскольку «более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне». (Новое время. 1994. № 15. С. 57).

[2] «Литературный фронт». История политической цензуры 1932–1946 гг. Сборник документов / Сост. Д. Л. Бабиченко. М., 1994. С. 156–157.

[3] Ради поддержания доверительных отношений с руководящими функционерами аппарата ЦК ВКП(б) помощник Сталина А.Н. Поскребышев зачастую перехватывал критические в отношении них «сигналы» снизу и, не докладывая о подобных жалобах «самому» (как о «малозначительных»), отправлял их «по принадлежности» тем чиновникам, против которых они были направлены (Аксенов Ю. С. Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 91).

В его варианте «крымского» письма были и такие строки: «Нельзя пройти мимо того неоспоримого факта, что в результате войны антисемитизм находит благоприятную почву во многих весьма ответственных учреждениях... находит свое выражение и в открытой грубой и беззастенчивой форме в виде освобождения евреев от должностей и т. д. <...> Антисемитизм в СССР, у себя на родине, зачастую действует на отдельные прослойки евреев более гнетуще, чем истребление немцами более 4 млн евреев и гибель своих близких и родных»[1].

Предпринимавшиеся Шимелиовичем и другими «еаковцами» попытки заняться явочным порядком (наряду с внешнеполитической пропагандой) еще и защитой советского еврейства и его прав как этноса не могли не тревожить Старую площадь. Вот прочему там не только «строжили» Эренбурга, но и закручивали гайки в отношении ЕАК. Именно для такой острастки и был использован упомянутый замначальника Управления пропаганды и агитации ЦК Кондаков, утвержденный 9 июня 1943 г. новым ответственным секретарем СИБ. С усердием, присущим недалеким и твердолобым натурам, он принялся исполнять установку ЦК противостоять «либерализму» Лозовского и «националистическому перерождению» ЕАК. Спустя уже через несколько месяцев Кондаков без обиняков заявил руководителям ЕАК, что они «приспосабливаются к сионистам» и дальнейшее существование комитета «излишне». А в мае 1944 г. он, не довольствуясь более мелкими доносами, направил Щербакову объемную записку с говорящим названием «О националистической линии в работе Еврейского антифашистского комитета», в которой отмечал: «Руководители Еврейского комитета больны политически, они сознательно проводят националистическую линию в материалах, посылаемых за границу. Они не хотят выполнять прямых указаний о

[1] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1012. Л. 78.

перестройке работы комитета. Во главе комитета надо поставить советского еврея»[1].

Сдерживая «националистическую тенденцию» в деятельности ЕАК, в ЦК прибегли и к более тонкой тактике: в июле 1944 г. в состав президиума комитета были введены такие далекие от еврейской культуры, но всецело преданные идее сталинского большевизма функционеры, как М. И. Губельман (председатель ЦК профсоюза работников государственной торговли, брат Е. Ярославского), Л. А. Шейнин (начальник Высших инженерных курсов Наркомата путей сообщения, личный друг Л. М. Кагановича), С. Л. Брегман (замнаркома госконтроля РСФСР) и З. А. Бриккер (председатель ЦК профсоюза кинофоторабoтников). Все они, что называется, не за страх, а за совесть выполняли директивы советского руководства, однако это не спасло, например, Брегмана от ареста в 1949 г. и смерти в Бутырке в 1953 г.[2]

Подводя черту, необходимо особо отметить, что ЕАК внес значительный вклад в мобилизацию мировой общественности на материальную и моральную поддержку героической борьбы советского народа с гитлеровцами. В годы войны ЕАК приложил максимум усилий для разоблачения человеконенавистнической сущности гитлеровского нацизма, сделав все возможное для сбора и документирования его беспрецедентных масштабных преступлений против еврейского народа. Пытаясь обеспечить достойное будущее для выживших после Холокоста евреев, он в меру своих сил и возможностей противостоял государственному антисемитизму в СССР, элементы которого были сгенерированы сталинизмом еще в преддверии Великой Отечественной войны и продолжали подспудно нагнетаться в публичную сферу и в ходе нее. Это негативно сказалось как на деятельности ЕАК, так и на межнациональных отношениях внутри страны в целом. Однако, не принимая в расчет исходившую сверху угрозу и в силу политической

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 349. Л. 24; ГА РФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 910. Л. 28–29; Центральный архив ФСБ РФ. Дело Еврейского антифашистского комитета. № 2354. Арх. № Р-3208. Т. 41. С. 54–75.
[2] Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948. С. 173.

наивности, руководители ЕАК занялись опасным экспериментированием в области нациестроительства, предложив проект еврейской республики в Крыму, в чем-то оправданный в контексте пережитой евреями национальной катастрофы, но во многом утопичный и оторванный от тогдашних советских и международных социально-политических реалий.

В результате над ЕАК, обвиненном в «националистических вывертах» и самочинном отправлении функций «наркомата по еврейским делам», стали сгущаться тучи аппаратного церберства. Этот тренд в сочетании с потаенным антиеврейским креном, отмечавшимся в функционировании властных институций еще в 1941–1945 гг. и резко набравшим силу после войны под воздействием пресловутой пропагандистской кампании против так называемых антипатриотов и безродных космополитов, обернулся в «черные годы» (1948–1953 гг.) репрессивными антиеврейскими акциями, включая такие крупные, как «дело ЕАК» (завершилось в августе 1952 г. расстрелом 13 человек) и печально знаменитое «дело врачей». Сталинский антисемитизм, достигший кульминации в начале 1953 года, был чреват самыми серьезными последствиями, причем не только для советских евреев, но и для всей страны. И только смерть диктатора спасла тогда СССР от угрозы социальной катастрофы.

ЕАК И «НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ»
JAC AND PEOPLE'S DIPLOMACY

И. А. Альтман (Москва, Россия)
I.A. Altman

Аннотация: В статье деятельность ЕАК рассматривается в контексте народной дипломатии в двух аспектах: той роли, которая отводилась Комитету властями, и о его контактах с зарубежными партнерами в годы Второй мировой войны и сразу после нее. Именно активная деятельность Комитета в попытках наладить сотрудничество с мировым еврейством стали одной из главных причин ликвидации ЕАК в конце 1940-х гг.

Annotation: The article examines the activities of the JAC in the context of public diplomacy in two aspects: the role assigned to the Committee by the authorities, and its contacts with foreign partners during the Second World War and immediately after it. It was the vigorous activity of the Committee in attempts to establish cooperation with world Jewry that became one of the main reasons for the liquidation of the JAC in the late 1940-s.

Ключевые слова: ЕАК, Вторая мировая войны, народная дипломатия, международные контакты.

Key words: JAC, World War II, people's diplomacy, international contacts.

Один из недооцененных, на наш взгляд, аспектов деятельности ЕАК – его роль в формировании связей и контактов в годы Второй мировой войны и сразу после нее не только между еврейскими общинами и организациями, но и между странами. Представляется важным рассмотреть деятельность Комитета сквозь призму такого модного направления в современной историографии как анализ народной дипломатии.

Как известно, народная или общественная дипломатия действует по трем основным направлениям – информирование, вовлечение, влияние, и

предполагает общение не с государственными структурами, а институтами гражданского общества. Народная дипломатия – это официальные и неофициальные контакты обычных людей или общественных организаций, способствующие улучшению взаимоотношений, взаимовыгодного сотрудничества, лучшему пониманию культуры, традиций и особенностей жизни граждан разных стран[1].

Темы данной статьи касались основоположник научного изучения деятельности ЕАК израильский профессор Шимон Редлих[2] и отечественные историки Г. В. Костырченко и Н. К. Петрова[3]. Обычно во главу угла исследователями ставится т. н. «пропагандистская функция» ЕАК, которая и отводилась ему властями непосредственно при создании Комитета.

Но без понимания иной грани деятельности руководителей ЕАК – их вовлеченность в международные контакты – невозможно не только оценить масштаб деятельности этой организации, но и понять причины ее ликвидации.

Первый вопрос, который перед нами встаёт – а был ли Еврейский антифашистский комитет собственно общественной организацией? Советские общественные организации – Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС), спортивные общества, другие антифашистские комитеты – действительно были полугосударственными структурами, деятельность которых регламентировалась и финансировалась государством. Когда в 1946 г. в недрах ЦК КПСС родилась идея закрытия Комитета, то впервые возник вопрос о легитимности его создания. То, что назначение Михоэлса было проведено как решение Политбюро, почему-то не упоминалось авторами идеи ликвидации Комитета через полтора года после окончания Второй мировой

---

[1] См. Коган С. И. Народная дипломатия как форма культурного сотрудничества СССР и Великобритании в годы Второй мировой войны и в послевоенный период // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/narodnaya-diplomatiya-kak-forma-kulturnogo-sotrudnichestva-sssr-i-velikobritanii-v-gody-vtoroy-mirovoy-voyny-i-v-poslevoennyy-period/viewer (дата обращения: 19.06.2022).

[2] См., например, Redlich S. Propaganda and nationalism in wartime Russia: the Jewish Antifascist Committee in the USSR, 1941–1948. New York, East European Quarterly, 1982.

[3] Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001; Петрова Н. К. Антифашистские комитеты в СССР: 1941–1945. М.: ИРИ РАН, 1999.

войны[1]. ЕАК был создан при Совинформбюро, финансировался им и должен был решать, как говорилось выше, в первую очередь пропагандистскую задачу. Возможно, судьба Комитета и его руководителей сложилась бы по-другому, если бы они даже в рамках поставленных перед ними задач не рассматривали свою деятельность гораздо шире.

Подготовленная С. Михоэлсом и будущим ответственным секретарем Комитета Ш. Эпштейном в марте 1942 г. программная записка о задачах ЕАК в 15 пунктах очень чётко и кратко (ни один из них не занимает более полутора строк) представляла абсолютно бюрократический документ. В частности, предусматривались подготовка и рассылка информации о борьбе СССР с нацизмом, участии евреев в войне и Холокосте, что предусматривало следующие формы «народной дипломатии», рассчитанной на зарубежную аудиторию: радиомитинги; обращения; совместные документальные проекты («Черная книга»); переговоры и переписка; визиты за рубеж. Последний пункт касался сбора средств за рубежом, «прежде всего, в США»[2].

Практически все эти задачи были решены в ходе деятельности Комитета, может быть за исключением лишь одной: публикации в зарубежной печати сведений о судьбах эвакуированных и спасшихся евреев из других государств. Судя по многочисленным запросам в Комитет и другие советские структуры, эта информация действительно вызывала огромный общественный интерес и могла бы привлечь максимально широкую аудиторию за рубежом.

Уже на начальном (точнее – подготовительном) этапе создания ЕАК были установлены контакты с зарубежными еврейскими организациями. Отправной точкой стал радиомитинг еврейской общественности, проведенный в Москве 24 августа 1941 г. На нем прозвучало обращение к «Братьям-евреям всего мира», совершенно непозволительное до этого в

[1] Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документированная история. М.: Международные отношения, 1996. С. 326.
[2] Там же. С. 57–58.

Советском Союзе. Неслучайно впоследствии периодический орган ЕАК, издаваемый на идиш, получит название «Эйникайт» («Единение»).

Стенограмма выступлений на митинге была издана тиражом 100 000 экземпляров (50 000 на английском и 50 000 на идише), отдельно вышло издание и на испанском языке[1]. Конкретным примером отклика на это событие стало создание по инициативе писателя и философа Х. Житловского (1865–1943) Комитета американских писателей, артистов и учёных (в период визита его возглавляли писатель Ш. Аш и знаменитый физик А. Эйнштейн). Результаты деятельности этой организации впечатляют: к концу войны она насчитывала более 2 300 региональных комитетов на территории Соединенных Штатов Америки. Именно по приглашению этой организации и состоялась знаменитая поездка С. Михоэлса и И. Фефера в США летом 1943 г., которая стала визитной карточкой и квинтэссенцией народной дипломатии ЕАК.

Ей предшествовала неудачная попытка посетить 24 и 30 августа 1942 г. соответственно конференции представителей евреев Палестины в Иерусалиме и Объединённого еврейского комитета помощи Великобритании Советскому Союзу. ЕАК рассматривал эти поездки как часть кампании по поставкам СССР 1000 танков и 500 бомбардировщиков. Причины отказа можно объяснить, как тяжелым положением на советско-германском фронте, так и тем, что буквально накануне обращения ЕАК один из адресатов письма о предполагаемой поездке – начальник управления агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) Г. Александров – отправил в ЦК записку о засилье евреев в органах культуры, скромно назвав ее «О подборе и выдвижении кадров в искусстве».

Что же изменилось после этого негативного отношения к предложению ЕАК проявить себя на ниве международной дипломатии? Возможно, успешная поездка делегации Антифашистского комитета советской молодежи в ноябре – декабре 1942 г. с участием знаменитой женщины-снайпера Л.

[1] Петрова Н. К. Указ. соч. С. 70.

Павлюченко. Однако, скорее всего, это связано с признанием мировой общественностью геноцида евреев Европы. В совместном заявлении от 18 декабря 1942 г. стран антигитлеровской коалиции, которые гордо назвали себя «объединенными нациями» (10 стран и комитет «Свободная Франция») об уничтожении евреев Европы. И тут одно из направлений народной дипломатии – совместная деятельность по сбору и публикации сведений о Холокосте – оказалось чрезвычайно востребованным.

Разрешение властей на поездку последовало лишь в начале марта 1943 г. – после Сталинградской битвы и в ответ на телеграмму Еврейского комитета Совета помощи России в войне. В литературе высказывались разные мнения о том, кто с советской стороны наиболее активно поддержал идею этого визита.

Естественно, такое важное событие могло состояться только с разрешения высшего советского руководства. СССР был заинтересован, чтобы влиятельные круги американской еврейской общественности открытие Второго фронта и оказание Советскому Союзу дополнительной экономической помощи. Логистикой поездки делегации ЕАК непосредственно занимались Наркомат иностранных дел (НКИД) СССР и посольство СССР в США. Руководство внешнеполитического ведомства не поддержало эту идею сразу после встречи А. Эйнштейна с советским послом в Вашингтоне М. Литвиновым в августе 1942 г. В мае следующего года НКИД рекомендовал Совинформбюро о привлечении руководства сионистских организаций США для организации визита[1]. НКИД также был заинтересован в контактах с руководителями ведущих американских еврейских организаций по вопросу о будущем Палестины.

Конкретные инструкции Михоэлс и Фефер получали от начальника Совинформбюро, секретаря ЦК А. Щербакова и непосредственного куратора Комитета, зам. начальника Совинформбюро и зам. наркома иностранных дел С. Лозовского. Посещение не только США, но также Канады и

[1] Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. С. 185.

Великобритании логично вытекала из опыта поездки по этому же маршруту в конце 1942 г. делегации Антифашистского комитета молодежи. А вот посещение Мексики стало своего рода «Ноу хау» именно этого визита и, возможно, инициативой советского посла в этой стране К. Уманского, который непосредственно участвовал в декабре 1942 г. в подготовке советского варианта заявления об уничтожении евреев СССР.

Некоторые историки, опираясь на мемуары одного из руководителей советской разведки П. Судоплатова, который сообщал о встрече Михоэлса с Л. Берией накануне поездки, выделяют роль спецслужб в организации этого визита[1]. Эта версия выдвигалась в связи с якобы заданием получить поддержку лидеров сионистских организаций США по созданию еврейской республики в Крыму. В ходе процесса по «делу ЕАК» в 1952 г. И. Фефер заявил, что резидент советской разведки в США В. Зарубин привлек его к контактам по Манхэттенскому проекту и поручил представлять доклады о встречах с американскими партнерами[2]. Но вряд ли это было основной целью поездки делегации ЕАК. Нет никаких данных, в том числе в недавно опубликованном дневнике Г. Димитрова[3], о причастности к подготовке этой поездки Коминтерна с его широкой агентурной сетью (распущен уже после отлета из Москвы Михоэлса и Фефера).

В литературе начало визита в США обычно датируют приблизительно: «середина июня». Из письма И Фефера, отправленного жене и дочери 3 ноября 1943 г., мы узнаем, что делегация выехала из Москвы 3 мая, а добиралась до США «ровно 40 дней»[4]. Благодаря этому письму можно датировать ее прибытие в США 13 июня 1943 г. Однако, публичную деятельность Михоэлс

---

[1] Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: ТОО «Гея», 1996. С. 340, 341. См. также: Топорский Я. Миссия Михоэлса // Сетевой портал «Заметки по еврейской истории». URL: https://berkovich-zametki.com/Nomer17/Toporovsky2.htm (дата обращения 19.05.2022).

[2] Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. Документированная история. С. 186. Именно в связи с этим И. Фефера не вполне заслуженно в литературе называют «осведомителем» и «агентом НКВД».

[3] Дневник Георгия Димитрова 1941–1945. М., Кучково поле, 2020.

[4] Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. С. 200.

и Фефер начинают лишь с конца июня – начала июля. Так, грандиозный 50-тысячный митинг в Нью-Йорке состоится лишь 8 июля 1943 г.

А что же происходило после прилета делегации ЕАК в Нью-Йорк? Именно в этот период В. Зарубин встречается с И. Фефером. Но не в этом была причина того, что публичные мероприятия были отложены. Визит должен был быть представлен американской общественности с помощью СМИ. Если имя Михоэлса было прекрасно известно еврейской общественности: так, М. Шагал и Л. Фейхтвангер знали его лично. Но имя Фефера американцам ничего не говорило. Поэтому 25 июня в одной из газет Питтсбурга появилась статья «Кто такой подполковник Фефер?». В ней говорилось о нем, как известном поэте и общественном деятеле[1]. Это было особенно важно в связи с тем, что деятели американского Бунда крайне негативно отнеслись к этому визиту в связи с информацией о казни в СССР лидеров польского Бунда Г. Эрлиха и В. Альтера. Некоторые исследователи утверждают, что в ходе поездки возник ещё один скандал, а именно был учреждён орден Богдана Хмельницкого. Однако это произошло буквально за неделю до того, как Михоэлс и Фефер вылетели в Великобританию[2].

Ход успешного визита С. Михоэла и И. Фефера в США подробно освещен в литературе. Выделим лишь следующие формы народной дипломатии делегации ЕАК: публичные выступления перед общественностью 10 крупнейших городов США с использованием стадионов и концертных залов, встречи с официальными лицами – мэрами городов, руководителями ведущих еврейских организаций; лекции, интервью СМИ, обмен приветственными телеграммами. Переговоры для установления связей и поиск агентов влияния в ходе поездки в США велись по следующим

---

[1] Топоровский Ян. Миссия Михоэлса. URL: https://berkovich-zametki.com/Nomer17/Toporovsky2.htm (дата обращения 19.05.2022).

[2] Учреждением этого ордена власти СССР не ограничились. Визит делегации ЕАК во многом инициировал зять классика еврейской литературы Шолом-Алейхема Бен Цион Гольдберг, который и сопровождал ее в ходе поездки по США. Можно лишь догадываться о его реакции (как и многих других евреев, знакомых с т. н. Хмельниччиной, в ходе которой было уничтожено от трети до половины проживавших там евреев) на учреждение ордена Богдана Хмельницкого и особенно переименования города, где родился Шолом-Алейхема в Переяслав-Хмельницкий.

направлениям: открытие второго фронта; военная и экономическая помощь; оказание содействия внешней разведке. Одним из успешных результатов поездки, безусловно, стало формирование международной редколлегии «Черная книга» с участием партнеров из США и Палестины.

Советская делегация посетила не только Соединенные Штаты Америки, но также Мексику, Канаду и Великобританию, где также провела встречи с мэрами ряда городов, в частности, Манчестера. В их честь знаменитый манчестерский оркестр исполнял свои произведения, что стало важной культурной составляющей народной дипломатии[1].

В чем же заключается актуальность опыта Еврейского антифашистского комитета и его народной дипломатии? Это, прежде всего, выстраивание межгосударственных отношений с помощью общественных организаций в ходе или после, если мы говорим об окончании войны, кризисных ситуаций, либо враждебных отношений между странами. Использование «еврейского фактора» в межгосударственных отношениях мы прекрасно видим и сегодня.

К сожалению, закрытие или ограничение деятельности общественных организации нередко выступают прелюдией или следствием пропагандистских кампаний. В одном из предложений о закрытии ЕАК говорилось: «Нет такой еврейской организации в какой-нибудь стране за рубежом, с которой бы Комитет не сотрудничал». Как обвинение звучал тезис о контактах с сионистскими организациями: в конце 1946 г. даже связи с еврейскими организациями подмандатной Палестины рассматривалось как крамола[2].

В ходе судебного процесса по «делу ЕАК» как сам визит в Северную Америку, Мексику и Великобританию, так и все присланные приглашения от «сионистов», трактовались как доказательства националистической и шпионской деятельности Комитета.

---

[1]Также советскую делегацию принимал дирижер знаменитого оркестра Халле в Манчестере Джон Бирбтродли (См. Коган И. С. Указ. соч. С. 95).

[2] Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941–1948. С. 341–342.

Несмотря на все эти коллизии, именно Еврейский антифашистский комитет в годы борьбы с нацизмом и до начала Холодной войны стал связующим звеном между зарубежными еврейскими общественными организациями и властями СССР, выполняя не только пропагандистскую функцию, но реально налаживая связи между народами.

ВМЕСТО ПРИВЕТСТВИЯ (О ЕВРЕЙСКОМ АКТЕРЕ В. ЗУСКИНЕ)
INSTEAD OF WELCOME SPEECH (ABOUT A JEWISH ACTOR V. ZUSKIN)

А. В. Зускина-Перельман (Израиль)
A. V. Zuskina-Perelman

Аннотация: Рассказ о еврейском актере Вениамине Зускине как выразителе трагической судьбы Еврейского антифашистского комитета и призыв помнить не только о горькой участи его и его соратников, но и об их славных деяниях.
Annotation: Story about the Jewish actor Benjamin Zuskin as a symbol of the tragic fate off the Jewish Anti-Fascist Committee, and appeal to remember not just his atd his colleagues' bitter lot but their gorgeous deeds.

Ключевые слова: ЕАК, еврейский театр, обвинительное заключение, приговор, расстрел, память.
Key words: JAC, Jewish Theater, Arrest, Indictment, Verdict, Execution, Remembrance.

Благодарю за приглашение и приветствую организаторов, участников и гостей этой конференции. Поскольку она посвящена 80-летию с момента создания Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), речь здесь пойдет о разных аспектах пути ЕАК, от начала до конца. Я начну с конца, 70-летие которого мы тоже сегодня отмечаем.

Мой отец, еврейский актер Вениамин Зускин, входил в состав президиума ЕАК, однако по сути слишком активным там не был, он, по его же словам, «приходил в Комитет и был статистом»[1]. Тем не менее, как раз на его примере можно представить бесчеловечность и абсурдность «Дела ЕАК».

[1] Зускина-Перельман А. Путешествие Вениамина. Размышления о жизни, творчестве и судьбе еврейского актера Вениамина Зускина. М., Иерусалим: Гешарим / Мосты культуры, 2002. С. 339. (См: Неправедный суд / Под ред. В. П. Наумова. М.: Наука, 1994. С. 306).

Такой знаток истории Комитета, как Г. В. Костырченко, считает, что в «Деле ЕАК» Зускин был «ключевой фигурой»[1]. Почему? Да потому, что создатели «Дела» ставили во главу угла так называемые преступления заблаговременно убитого председателя ЕАК, Михоэлса, а попытаться узнать о Михоэлсе хоть какие-нибудь компрометирующие подробности, может быть, удастся у Зускина, его партнера по сцене, соседа по дому и вообще близкого друга? Роль Зускина, незначительная в Комитете, была значительной ещё и потому, что в глазах самой широкой публики понятие «Михоэлс-Зускин» было просто неразделимым. Отец рассказывал, что он как-то зашел в военкомат за какой-то справкой, и военком, молодой русский парень, никогда не бывавший в Еврейском театре, взглянув на документы, спросил, почему там написана только одна фамилия, Зускин, ведь настоящая фамилия Михоэлс-Зускин? Авторы «Дела ЕАК» знали, что это фамилии двух разных людей, но, по-видимому, убежденные в их неразделимости, подумали: «Как это? Из двоих убрали только одного? Ну, это поправимо»[2]. И положение было исправлено – по «Делу ЕАК» Зускин был арестован первым.

Арест – всегда трагедия. Но именно арест Зускина был квинтэссенцией того ужаса, через который прошли еаковцы. После убийства Михоэлса Зускин стал художественным руководителем театра. У театра были денежные и репертуарные трудности, к тому же Зускин не очень-то верил в официальную версию, согласно которой Михоэлс просто попал под машину. Из-за всего этого Зускин жил в постоянном нервном напряжении, и его положили в больницу, где с помощью усыпляющих лекарств пытались вылечить от бессонницы. Он должен был спать 10 суток, на четвертые сутки его, спящего, арестовали. На суде он скажет: «Меня привели на допрос… в больничной пижаме. Ведь меня арестовали в больнице… Арестован я был во сне и только проснувшись, увидел, что нахожусь в камере, и узнал, что арестован»[3]. Он

[1] Там же. См. Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. М.: Международные отношения, 1994. С. 126.
[2] Там же. С. 340.
[3] Там же. С. 22–23.

провел в тюрьме три с половиной года допросов и пыток – до суда, где без прокурора, адвокатов и свидетелей получил приговор, общий для 13 «тщательно отобранных» подсудимых, в число которых входил и он.

Обвинительное заключение тоже было общим, и в нём каждому был отведен отдельный параграф – один был до революции в Бунде, другой с кем-то не тем встречался, третий что-то не то сказал, и почти все передавали кому не следует военные тайны и изменяли родине. Как правило, каждый параграф состоял из нескольких страниц, и только часть, относящаяся к Зускину, заняла всего один абзац. В чем же его обвиняли? «Подсудимый Зускин… вместе с Михоэлсом ставил в театре пьесы, в которых воспевалась еврейская старина, местечковые традиции и быт и трагическая обречённость евреев, чем возбуждал у зрителей-евреев националистические чувства»[1]. «Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила обвиняемых (далее идет перечень 13 имен, включая Зускина), по совокупности совершённых ими преступлений, к высшей мере наказания – расстрелу – с конфискацией всего имущества»[2]. Приговор исполнен 12 августа 1952 года. Раньше я полагала, что отцу предъявили столь несерьёзное обвинение, поскольку, придумывая нелепые преступления для других обвиняемых, для моего отца и нелепостей не наскребли. Теперь я понимаю, что ошибалась. «Националистические чувства» – это и было единственно возможным и самым серьёзным обвинением, и оно распространялось на них на всех.

Есть что-то еще, может быть, самое главное, в нашем отношении ко всем этим людям. Конечно, тень трагедии до сих пор витает над нами, но нас продолжает восхищать то, чем были эти люди в реальной жизни, а не в навязанном им «Деле». Об этом нельзя забывать. Об актерах, писателях и поэтах, без которых немыслимо представить себе еврейскую культуру, об осужденных наряду с ними общественных деятелях, журналистах,

[1] Там же. С. 386.
[2] Там же. С. 387.

переводчиках, враче, о благородной деятельности самого Комитета, хотя в вину ему вменялось совсем другое.

«Подсудимый Зускин, в чем Вы чувствуете себя виновным?»[1], спросил судья, и Зускин, не раздумывая, ответил: «Моя вина в том, что всё своё внимание я концентрировал на моей актёрской работе. Я – актер»[2]. Могу добавить, актер, которого критика считала одним из самых ярких талантов мирового театра первой половины XX века. В моей книге об отце, «Путешествие Вениамина», которая вышла в свет по-русски, на иврите, на английском и на итальянском, в основном прослеживается его актерский путь, а детство и юность представлены, как преддверие этого пути, зрелые годы – как фон, трагедия – как завершение. Собственно, Зускин сам в своем спонтанном ответе: «Я – актер», очень четко расставляет по местам приоритеты, и – опять-таки – словно отвечает от лица всех. У каждого из них на первом месте была профессия, смысл их жизни.

Работа и судьба ЕАК будут здесь рассмотрены с разных точек зрения, а объединяющим мотивом будет память. Так пусть это будет память о личностях и деяниях, а не только об именах в расстрельном списке.

Именно в этом ключе составлена сегодняшняя программа, и в заключение моего приветствия я привожу слова поэта Самуила Галкина, тоже репрессированного по «Делу ЕАК», но успевшего выйти на свободу до своей кончины:

Когда меня не будет на земле,
Но буду я вам мил и после смерти,
Меня одной, высокой мерой мерьте
Огнем, который мне сиял во мгле[3].

[1] Там же. С. 384.
[2] Там же. С. 379.
[3] Записано по памяти.

ФОНД ИЦИКА ФЕФЕРА В АРХИВЕ НПЦ «ХОЛОКОСТ»: СОСТАВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

ITZIK FEFER'S FUND IN THE ARCHIVE OF SCIENTIFIC-EDUCATIONAL CENTER "HOLOCAUST": THE CONTENTS AND PERSPECTIVES OF USAGE

Л. Б. Лаврова (Россия, Москва)
L. B. Lavrova

Аннотация: В настоящей статье рассматривается состав уникального архива, принадлежавшего поэту И. С. Феферу (1900–1952) и его семье, который находится в фондах НПЦ «Холокост». Архив включает в себя исторические материалы, книги на русском языке и идише, газетные вырезки, машинописные статьи, фотографии. В книгах содержится ряд интересных маргиналий как на русском языке, так и на идише. Машинописные статьи составляют неопубликованный сборник воспоминаний об И. С. Фефере. В комплексе архив представляет собой большой интерес для исследования, т.к. позволяет раскрыть новые сведения об И. С. Фефере и рассмотреть ранее не изученные маргиналии. Часть материалов связана с делом Еврейского Антифашистского Комитета и также имеет ценность для исследователя.

Annotation: The article contemplates the contents of an archive that belonged to the poet I.S. Fefer (1900–1952) and his family. It is stored at the scientific-educational center "Holocaust". The archive includes historical materials, books in Russian and Yiddish, paper cuttings, typewritten articles, photographs. The books contain a number of marginalia in Russian and Yiddish. The typewritten articles represent an unpublished collection of memories about I.S. Fefer. The archive is of significant interest as it reveals new information about I.S. Fefer and has marginalia that have not been studied before. Part of the materials is connected with the case of the Jewish Antifascist Committee.

Ключевые слова: Еврейский Антифашистский Комитет, И. С. Фефер, идиш, литературоведение, советская еврейская литература.

Key words: Jewish Antifascist Committee, I.S. Fefer, Yiddish, literature studies, Soviet Jewish writers.

Мотивация для изучения архива

Назову несколько факторов, побуждающих обратиться к архивному фонду Ицика Фефера (1900–1952), хранящемуся в НПЦ «Холокост». Во-первых, этот архив перекликается с рукописными материалами из архива еврейского поэта, писателя, драматурга и переводчика А. Д. Кушнирова, который хранится в «Еврейском музее и центре толерантности» и содержит несколько десятков писем-открыток 1930–1935 гг., работая с которыми, автору данной статьи удалось найти и идентифицировать несколько писем авторства Ицика Фефера. Его личность уже тогда вызвала интерес и желание продолжить изучение материалов, связанных с его именем. Во-вторых, стимулом для дальнейшей работы послужила статья Д. Быкова в журнале «Дилетант» в марте этого, 2022 г., посвященная И. Феферу. Она мотивировала обратиться к справочнику об архиве НПЦ «Холокост». Оказалось, что архив содержит интересные материалы, связанные с жизнью и творчеством поэта. В-третьих, 70-я годовщина расстрела ЕАК побуждает обратить особое внимание на исторические материалы, связанные с делом ЕАК и его участниками. Наконец, но не в последнюю очередь, в 2021–2022 гг. мною был изучен курс о еврейском театре (лекторы В. Щедрин, Е. Тартаковская, Свободный университет). В рамках курса среди прочего речь шла о поездке С. Михоэлса и И. Фефера в США с миссией сбора средств для поддержки СССР в борьбе с фашизмом. С точки зрения изучения еврейского театра, в архиве НПЦ «Холокост» мое внимание привлек один материал авторства А. Рубинштейн «Драматургия И. Фефера». Опираясь на него, было бы интересно изучить эту сторону творчества поэта.

Состав архива и его значимость

Архив И. Фефера в НПЦ «Холокост» включает в себя разные виды материалов, переданных семьей Фефер. Среди них книжные издания (115 ед.),

машинописные листы (41 статья), рукописные заметки, газетные вырезки (7 ед.), фотографии (29 ед.).

Книжные издания включают в себя 47 книг на идише, 45 на русском языке и 3 на украинском языке. Преимущественно это художественная литература, принадлежащая перу советских еврейских поэтов и писателей. Годы издания с 1917 по 1992. Среди авторов (в алфавитном порядке): И. Альбирт, Р. Боярская, Ф. Бурлака, А. Вергелис, Л. Вышеславский, С. Галкин, М. Гарцман, А. Гонтарь, И. Гордон, С. Гордон, Д. Гофштейн, М. Грубиян, О. Дриз, И. Друкер, Х. Зильберман, А. Каган, И. Керлер, И. Котляр, А. Кушниров, М. Лифшиц, Н. Лурье, И. Любомирский, П. Маркиш, Г. Полянкер, А. Ревич, Х. Ременик, Р. Рубин, Е. Рывина, М. Рыльский, И. Серебряный, Ф. Сито, М. Талалаевский, Д. Хайкина.

Есть по одной книге классиков еврейской литературы: И.-Л. Переца и Шолом-Алейхема. Кроме того, литературные альманахи (сборники) – 2; периодика: Ди Ройте Вельт (1924); Советише Литератур (1939), Дер Штерн (1947, 1948), Советиш Геймланд (1985), и русско-еврейский словарь (1941).

Из перечисленных книг авторству И. Фефера принадлежат 15 единиц, в т. ч. издательства ИКУФ.

Большинство перечисленных авторов оставили дарственные надписи, адресованные самому И. Феферу или его семье – вдове Рахили Григорьевне и дочери Доре Исааковне. Дарственные надписи оставили близкие поэтов и писателей: Л. Кушнирова, Ф. Гофштейн, Л. Дриз-Ионов. Всего автографов и маргиналий: на идише – 37, на русском языке – 32.

Руке И. Фефера принадлежит дарственная надпись на книге «Пласты» 1932 г. издания, обращенная к А. Кушнирову. В надписи говорится о совместной борьбе на литературном фронте, о победе и предстоящих сражениях, в которых они тоже одержат победу. Эти слова перекликаются с перепиской И. Фефера с А. Кушнировым, где затронута тема борьбы в литературных кругах. Есть и еще одно объемное посвящение А. Кушнирову, написанное с очень доверительной интонацией.

Интересна развернутая дарственная надпись писателя А. Кагана вдове поэта, где он цитирует И. Фефера и его оценку своей книги. Необычна пространная надпись писателя И. Друкера, в которой он обращается к вдове поэта, «скромной и любимой Рохл» и упоминает «солнечные дни, когда они были вместе с солнечным, добродушным и талантливым Ициком Фефером». Он желает, чтобы «это сияние никогда не переставало освещать и ободрять нас».

Два автографа поэта С. Галкина содержат целые стихотворные тексты. В надписи И. Серебряного содержится характеристика И. Фефера как «воспевателя светловолосой комсомолки».

В одной из надписей, принадлежащей руке И. Любомирского, обращение к вдове поэта по имени согласно иудейской традиции: «Рохл бат Гершон».

Приведу пример дарственной надписи в транслитерации на идише и переводе на русский язык. В книге поэта Иосифа Керлера «Виноградник моего отца» на форзаце есть надпись, посвященная вдове И.Фефера: «Der liber Rokhl Kalish, der trayer lebensbagleytern fun undzer Itzik Fefer an ondenk fun Yoysef Kerler. 26.II.1958. Moskve». Перевод: «Любимой Рохл Калиш, верной спутнице жизни нашего Ицика Фефера на память от Иосифа Керлера. 26.II.1958. Москва».

Еще один пример – надпись в книге поэта Матвея Гарцмана: «... Р. Фефер от имени погибшего поэта Гарцмана в знак памяти. 4 сентября 1956 г. Москва. Басис-Гарцман».

Среди книжных страниц были обнаружены эфемералии, т. е. материальные предметы, такие как закладки, записки, почтовая марка, конфетная обертка и т. п., – 8 единиц.

Была обнаружена 1 антисемитская надпись (в издании С. М. Дубнова «Евреи в России и Западной Европе» 1923 г.).

Автографы И. Фефера – 7 единиц (рукописи стихов, дарственные надписи, маргиналии). Рукопись дочери И. Фефера (стихи) – 1 тетрадь.

Наконец, машинописные статьи (воспоминания об И. Фефере) – 41 единица. Судя по машинописному титульному листу, воспоминания планировалось объединить в книгу. Среди авторов: И. Фефер (автобиография), Р. Фефер, Д. Фефер, А. Рубинштейн, К. Калантар, М. Светлов, Д. Хайкина, П. Усенко, Х. Темаркин, Б. Могильнер, Х. Меламуд. Л. Озеров, В. Сосюра, Г. Ременик, И. Ронч, А. Рубинштейн, М. Кац, А. Кацнельсон, С. Крыжановский, А. Каган, И. Друкер, С. Голованивский, П. Балашов, А. Гонтарь, А. Аршаруни, П. Антокольский, М. Рыльский, Г. Полянкер, М. Ландман, Г. Левин, И. Ле, Д. Косарик, В. Кондратенко.

Газетные вырезки содержат публикации, посвященные И. Феферу и делу ЕАК. На фотографиях из архива в основном портреты поэта, его жены и коллег по писательскому цеху, снимки вечера памяти И. Фефера в Киеве. Отдельно стоит отметить фотокопии текста и нот песни на стихи И. Фефера.

Нужно упомянуть, что среди архивных материалов хранится аудиозапись интервью с Д. И. Фефер (дочерью И. Фефера) (2003), которая, вероятно, требует расшифровки.

В совокупности архив интересен и как историческое свидетельство, и как литературный феномен. Изучая дарственные надписи и другие маргиналии, можно исследовать творческий мир еврейских поэтов, писателей, а также мир читателей их произведений, современников И. Фефера. Некоторые надписи представляют собой интерес, т.к. являются сами по себе миниатюрными литературными произведениями. Таковы, например, посвящения самого И. Фефера, И. Друкера, А. Кагана, С. Галкина. Короткие надписи любопытны тем, что содержат емкую характеристику адресатов, отражают традиции дарственной надписи, при этом сохраняя ряд особенностей, характерных для идишской письменной культуры.

Несмотря на небольшое количество эфемералий, обнаруженных в книгах, стоит отметить их значимость. Если рассматривать вместе взятые книжные издания, маргиналии и эфемералии, то можно описать и проанализировать способ бытования книги и воссоздать образ читателя,

который знакомился с литературными произведениями. Это важный аспект исследования, который позволяет изучить культуру чтения и элементы культуры повседневности советской эпохи.

Перспективы работы с архивом

Архив И. Фефера имеет большую историческую ценность. Он может быть интересен историкам, исследователям деятельности ЕАК, литературоведам. Отдельные материалы могут заинтересовать потомков исторических персоналий, фигурирующих в архиве. С некоторыми из потомков поэтов автору данной статьи удалось связаться. Даже единственная дарственная надпись представляет для них ценность.

Работу с архивными материалами можно вести по нескольким направлениям поэтапно.

1. Необходима подробная опись содержимого архива. Для книжных изданий нужно как библиографическое описание, так и указание маргиналий;
2. Необходим перевод дарственных надписей и маргиналий с идиша. Перевод может быть на несколько языков, например, не только на русский, но и на английский язык. Можно создать мультиязычный каталог архива. Исторический и литературоведческий анализ этих материалов мог бы стать полезным дополнением к их содержанию.
3. Оцифровка архивных материалов, выгрузка их на сайт НПЦ «Холокост» для информирования исследователей и заинтересованной аудитории;
4. Создание мультимедийной карты взаимосвязей исторических персоналий, фигурирующих в архиве. Карта может содержать краткие биографические данные об авторах книг и их близких, интерактивные ссылки на расшифрованные дарственные надписи и маргиналии, показывать взаимосвязи между разными авторами;
5. Публикация аналитических материалов на основе работы с архивом;
6. Издание сборника воспоминаний современников об И. Фефере на основе машинописных статей.

ГЕНЕРАЛ КРЕЙЗЕР: НА ПОЛЕ БОЯ И В ЕВРЕЙСКОМ КОМИТЕТЕ
GENERAL KREIZER: ON THE BATTLEFIELD AND IN THE JEWISH COMMITTEE

А. С.Энгельс (Италия)
A. S. Engels

Аннотация: В статье рассматриваются следующие вопросы: история включения генерала Крейзера в состав ЕАК, его имя в отношениях комитета с евреями Эрец Исраэль и США, освещение темы Холокоста в публикациях о Крейзере, «Крымское дело» в следствии по делу ЕАК.

Annotation: The article discusses the following issues: General Kreizer's entry into the JAC, his name in the Committee's relations with the Jews of Eretz Israel and the United States, coverage of the Holocaust in the publications about Kreizer, the "Crimean Affair" as an accusation in the defeat of the Committee.

Ключевые слова: ЕАК, Генерал Крейзер, Бергельсон, Эйникайт, Крымское дело.

Key words: JAC, General Kreizer, Bergelson, Einikeit, Crimean Affair.

Факт участия генерала Крейзера в Еврейском антифашистском комитете (ЕАК) широко известен, его имя с гордостью называется при перечислении имен членов Президиума организации. В то же время в литературе о самом комитете практически нет никаких подробностей ни об истории включения генерала Крейзера в состав ЕАК, ни о его участии в его работе.

В основу данной статьи положены материалы, собранные автором при написании книги «Генерал Крейзер. Историко-биографическое исследование»[1]. Глава книги, посвященная участию Якова Крейзера в ЕАК, получила название «Красное и черное». Это не парафраз названия романа Стендаля, а отсыл к названиям двух книг, задуманных в ЕАК. Проект одной

[1] Энгельс А. С. Генерал Крейзер: Историко-биографическое исследование. Воронеж: Кварта, 2021.

из них – Черной книги – был доведен до стадии типографского набора, и, несмотря на препоны, попытку уничтожения и драматичную судьбу, был впоследствии воплощен.

Ведя переписку с еврейскими беженцами, которые сталкивались в эвакуации с проявлениями антисемитизма, ЕАК наряду с Черной книгой думал о создании Красной книги, с описанием героизма солдат-евреев. Привлечение в комитет евреев, прославивших себя на полях сражений, было оправданным и необходимым.

Когда представители еврейской общественности оформляли документы на проведение Антифашистского митинга в Москве в августе 1941 г., они предлагали включить в число выступающих двух генералов-Героев: Смушкевича и Крейзера.

Текст обращения был составлен через три недели после того, как имя Якова Крейзера стало известно стране из публикации одного из первых с начала войны указов о присвоении звания Героя. В указе 23 июля 1941 г было 4 имени, и в т. ч. командир 1-й Московской мотострелковой дивизии, остановивший на время танки Гудериана в сражении на Березине[1].

А о судьбе другого предлагавшегося к выступлению генерала тогда, в августе 1941 г., авторы обращения – Михоэлс, Бергельсон ничего не знали. Они не знали, что первый дважды Герой Советского Союза Яков Смушкевич за две недели до нападения Германии был арестован, находясь в больнице. Когда его имя упоминали в письме, он подвергался допросам и ожидал расстрела.

Вероятно, об этом знал получатель письма, заместитель наркома иностранных дел Лозовский, который переслал обращение секретарю ЦК Щербакову с припиской: «Если вопрос будет принципиально решен, то можно будет внести некоторые коррективы в список ораторов».

[1] См.: Красная звезда. 1941. 24 июля.

Упоминание предложения о членстве в ЕАК впервые появляется в письме Якова Крейзера, датированном 1 июля 1942 г. Он написал его из Уфы, где обучался на курсах Генерального штаба после того, как сумел чудом вывести остатки 57-й армии из Барвенковского котла, южнее Харькова. В письме, адресованном жене, есть следующие строки: «Не исключена возможность, что в ближайшее время буду в Москве на несколько дней по общественным делам. Меня, видимо, включили в состав Антифашистского еврейского комитета»[1].

Ну что ж, ничего удивительного в этом нет. Порядок включения персоналий в состав комитета в условиях СССР был именно таким. Статус комитета как общественного был номинальным.

К концу августа 1942 г. относится важный документ ЕАК, под которым стоит имя Якова Крейзера. Он связан напрямую с той задачей, которую ставил перед комитетом Наркомат иностранных дел: содействовать сбору пожертвований и помощи для СССР. Одним из первых поддержку Советскому Союзу выразил народ, не имевший тогда государственности – жители Эрец Исраэль, находившегося под Британским управлением. Осенью 1941 г. они создали Общественный комитет помощи СССР в войне с фашизмом, а в следующем году преобразовали его в Лигу V (от английского слова Victory). Учредительный съезд Лиги V открылся 25 августа 1942 г. в Иерусалиме. ЕАК направил приветствие съезду, в документе следующая после председателя и секретаря комитета подпись – генерал-майор Яков Крейзер. Текст послания можно признать в прямом смысле слова историческим, не только по значению, но и по образам, которые в нем присутствуют.

«Два тысячелетия тому назад подняли Егуда Маккаби и Бар-Кохба в Палестине восстание против идеологических праотцов Гитлера и Муссолини…»[2].

---

[1] Энгельс А. С. Указ. соч. С. 323.
[2] Там же. С. 326.

Приветствие заканчивалось словами, которые объясняют, почему имя генерала Крейзера стоит первым в подписи после имен руководителей ЕАК: «Национальный долг повелевает каждому еврею усилить помощь Красной Армии, с огромным самопожертвованием защищающей честь, свободу и независимость всех народов – тем самым – и еврейского»[1].

Участники съезда приветствовали советских дипломатов. Но это не могло сравниться с той бурей оваций, которую вызвал в зале текст приветствия, подписанный Михоэлсом, Крейзером… Чувствовалось, что присутствовавшие в зале, кроме непосредственно волновавшей всех темы войны, думают о чем-то еще, очень важном для них – о грядущем воссоединении евреев всех стран, когда будет создано государство.

В итоге произошел серьезный дипломатический скандал. Советские дипломаты заявили, что обращение палестинских евреев к советским – приезжать в Эрец-Исраэль и вместе строить еврейское государство – это проявление шовинизма и оскорбление национальной политики СССР, где евреи живут счастливо, и уезжать им никуда не надо.

Собственно, Яков Крейзер не был причастен к этому дипломатическому скандалу, но этот пример показывает, что его имя было необычайно важным не только для советских евреев, но и для евреев всего мира.

Об этом же свидетельствует история, приключившаяся во время визита руководителей ЕАК в США. На 3-м Пленуме ЕАК, делясь радостными впечатлениями о визите, Ицхах Фефер стал подробно рассказывать участникам пленума о противоречиях с частью американского еврейства, взгляды которого выражала газета «Форвертс», издававшаяся на идиш. Этот фрагмент составлял значительную часть его доклада: «Когда мы прибыли в США, «Форвертс» высмеивал в своих бездарных памфлетах наш Комитет, сомневаясь в его силах и полномочиях. После нашего отъезда он сообщил

[1] Там же. С. 327.

своим читателям о том, что генерал Яков Крейзер возглавил оппозицию против комитета и пытается свергнуть Михоэлса и Фефера»[1].

Сейчас, восемь десятилетий спустя, нам несложно понять причины конфликта. Американские евреи спрашивали, куда делись инициаторы создания ЕАК – бундовцы Альтер и Эрлих? Но факт того, что противоборствующие стороны пытались использовать громкое имя героя войны и выдающегося полководца, лишь подтверждает его значимость в глазах не только советской, но и зарубежной еврейской общественности, подтверждает его высший авторитет.

А сам генерал Крейзер был далек от этих проблем. Он просто честно выполнял свой воинский долг. В брошюре с материалами Пленума ЕАК, состоявшегося в апреле 1944, имя Крейзера упоминалось 6 раз. Но сам он в пленуме не участвовал. В это время генерал шел со своей 51-й армией по степям Крыма, приближаясь с боями к Севастополю. Нам удалось обнаружить статью в апрельском номере газеты «Правда»[2], где говорится о жертвах гитлеровских злодеяний в Крыму, в частности, расстрел в Бахчисарае. Названа национальность жертв, что случалось нечасто. Упомянуто, что гитлеровцы поголовно истребляли там евреев и цыган. В статье «Расплата» нет номеров воинских частей, но приводятся имена 6 солдат Красной армии, которые видят результаты злодеяний и идут мстить захватчикам. Удалось найти документы этих солдат, и все они – из 51-й армии, которой командовал генерал Крейзер.

О том, что Яков Крейзер видел следы преступлений Холокоста, продвигаясь вперед со своей армией, ЕАК рассказал читателям газеты Эйникайт, выходившей на идиш. 6 июля 1944 г. там была помещена подробная статья, по сути – литературный очерк о генерале, написанный Давидом Бергельсоном. Очерк начинался словами: «В один из летних дней 1944 года к нам, в Еврейский анти-фашистский комитет, в прохладный кабинет

[1] Там же. С. 330.
[2] Правда. 1944. 30 апр.

ответственного секретаря Шахны Эпштейна вошел генерал-лейтенант Яков Крейзер»[1].

При написании книги удалось установить дату события: сопоставление документов 51-й армии и других свидетельств показывает, что Яков Крейзер находился в Москве несколько дней, включая 9–10 июня 1944 г.

Давид Бергельсон создал замечательный литературный портрет героя: «Крейзер вошел спокойно и просто, словно случайно заглянул к нам. Вместе с ним вошло и какое-то особенное спокойствие. Казалось, что он прибыл в Москву не по важным фронтовым делам, и что не ему предстоит уже вечером отправиться в свою армию, которую он возглавляет в столь ответственное время. На минуту мне почудилось, что мощная дверь кабинета сама открылась перед ним. В самом деле Крейзер производил впечатление человека, перед которым открываются все двери». «Рослый, стройный, уже немолодой, он двигался размеренно, взвешивал каждое слово; при этом с его приятного загорелого лица не сходила легкая улыбка, непринужденная и как бы вылепленная из самых мускулов его лица. Она, подобно улыбке доброго ребенка, заставляла улыбаться всех тех, кто имел с ним дело»[2].

Но вот строки, посвященные тому, о чем рассказывал в ЕАК Крейзер: «В Крыму ему пришлось видеть артезианский колодец, в который были брошены и утоплены немцами сотни евреев. Мы видели лицо Крейзера, когда он рассказывал об этом. Это был единственный случай, когда с его лица исчезла добрая улыбка и ее сменили тени, одна суровее другой. Сузившиеся глаза выражали гнев и ненависть. Наверное, так выглядит он и на поле боя, когда стоит на командном пункте, отдавая своей армии приказ безостановочно и беспощадно уничтожать врага своей страны и своего народа»[3].

Крымская тема впоследствии аукнулась Якову Крейзеру совсем неожиданным образом. Его имя неминуемо должно было появиться в

[1] Энгельс А.С. Указ. соч. С. 336.
[2] Там же. С. 337.
[3] Там же. С. 338.

материалах следствия в процессе разгрома ЕАК. В протоколах допроса поэта Давида Гофштейна есть следующий эпизод: «В 1944 году МИХОЭЛС в одну из бесед сказал мне, что из Крыма выселены все татары, и что там находится член Еврейского антифашистского комитета генерал Яков КРЕЙЗЕР… После же того, как советским правительством было отказано в предоставлении евреям Крыма, МИХОЭЛС, БЕРГЕЛЬСОН, ФЕФЕР и другие мои сообщники не отказались от своей идеи создания еврейской республики, но приложили больше усилий на то, чтобы через еврейские круги США оказать давление на советское правительство»[1].

Надо признать, доля истины в этом протоколе была: Яков Крейзер весной 1944 г. действительно находился в Крыму: он его освобождал. В газете Эйникайт 11 мая 1944 г. сотрудники ЕАК поместили статью на идиш под заголовком «Штурм Севастополя». Упоминая в ней имя Якова Крейзера, они не подозревали, что эти события будут связаны с материалами следствия. В книге приводится перевод отрывка статьи, где воинам 51-й армии предстает батальная сцена в духе картин Верещагина: «Когда солдаты Крейзера поднялись на вершину горы Сапун, они увидели столько трупов немецких и румынских солдат, разбросанных на местности, что это выглядело как апофеоз смерти немецкой армии»[2].

В книге приводятся и другие свидетельства сотрудников ЕАК, где надежды Михоэлса на еврейское заселение Крыма увязаны с информацией, полученной от Крейзера. Приведены аргументы, доказывающие абсолютную невозможность мифической телеграммы Крейзера, якобы направленной в ЕАК по этому вопросу.

Итак, имя генерала Крейзера появилось в протоколах следствия в связи со страшным обвинением: попыткой ЕАК отторгнуть часть территории страны. Во время этого расследования, в 1950 г. в СССР была восстановлена смертная казнь, и участь обвиняемых была предрешена.

---

[1] Там же. С. 341.
[2] Там же. С. 342.

«Индульгенцией» от расправы не могли стать ни пол, ни возраст, ни состояние здоровья, ни даже военные заслуги. Например, участник комитета генерал Кац хоть и избежал расстрела, но был арестован, подвергался избиениям на допросах и получил 10 лет лагерей (вышел на свободу и был реабилитирован после смерти Сталина).

Даже Звезда Героя не могла защитить от расправы. Тот факт, что генерал Крейзер не попал в «мясорубку» следствия, можно объяснить лишь одним образом: арест статусных обвиняемых согласовывался на самом верху. Только Сталин мог распорядиться, чтобы на конвейер допросов не были отправлены некоторые из участников ЕАК, такие, как генерал Крейзер, как директор Сталинградского, а затем Уральского артиллерийского завода генерал Лев Гонор, который пострадал позднее, в «Деле врачей».

В книге описаны несколько эпизодов, когда жизнь Якова Крейзера могла оборваться в сталинской мясорубке – в 1937 г., поскольку он лично общался и был высоко оценен Тухачевским, в 1943 г., когда всесильный маршал Тимошенко подготовил для Крейзера трибунал на Миус-фронте[1]. После войны – по делу ЕАК, когда имя Крейзера уже было занесено в протоколы следствия.

И в каждом из этих случаев отмашки на расправу сверху не последовало. Видимо, у человека, обладавшего в стране ничем не ограниченной властью, были другие планы на офицера, мужественного на поле боя и безупречно честного в мирной жизни.

[1] Там же. С. 205.

МАЛЕНКОВ И ЛОЗОВСКИЙ: ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬMALENKOV AND LOZOVSKY - INVITATION TO AN EXECUTION

М. К. Бисенгалиев (Москва, Россия)
M. K. Bisengaliev

Аннотация: В статье рассматриваются различные аспекты работы Еврейского Антифашистского комитета в связи с его взаимодействием с руководящими органами СССР и ВКП (б). Изучается вопрос влияния в частности видного партийного деятеля Г.М. Маленкова на ситуацию с арестом и расстрелом сотрудников Комитета.

Annotation: The article examines various aspects of the work of the Jewish Anti-Fascist Committee in connection with its interaction with the governing bodies of the USSR and the CPSU (b). The question of the influence of, in particular, a prominent party figure G.M. Malenkov on the situation with the arrest and execution of Committee employees is studied.

Ключевые слова: Маленков, Лозовский, Михоэлс, ЕАК, МГБ, Крым
Key words: Malenkov, Lozovsky, Mikhoels, JAC, MGB, Crimea

В 1939 г. в СССР по завершению 18 съезда большевистской партии произошли самые разнообразные кадровые назначения – в том числе и те, которые впоследствии имели отношение к судьбе Еврейского антифашисткого комитета. Многие персонажи этой истории обычно остаются или совсем за кадром – или их роль представляется недостаточно изученной. Попытаемся дополнить уже существующую картину.

Будущий основной куратор ЕАК Александр Щербаков был осенью 1941 г. – к моменту появления идеи создания Комитета – не только руководителем Совинформюбро, в рамках которого ЕАК и существовал, но и

членом Оргбюро ЦК. Эта должность досталась ему в 1939 г.[1] Лаврентий Берия, один из инициаторов как создания Еврейского антигитлеровского комитета, так и судьбоносной для ЕАК поездки руководителей комитета Михоэлса и Фефера в США летом 1943 г., тоже пришёл в большую политику в 1939 г. в качестве кандидата в члены Политбюро. Полина Жемчужина, супруга по сути второго человека в партии Вячеслава Молотова – который, впрочем, тоже в какой-то степени станет участником некоторых связанных с ЕАК событий – в том же 1939 г. стал кандидатом в члены ЦК.

Да и будущие ЕАКовцы в 1939 г. преуспевали. Официальный куратор комитета Соломон Лозовский в мае стал заместителем нового наркома иностранных дел Молотова, другом семьи которого он был много лет (Молотов назначен на пост наркома 3 мая, а 14 мая Лозовский стал его заместителем)[2]. Соломон Михоэлс в этом году получил орден Ленина и звание народного артиста СССР (по легенде – благодаря ходатайству Жемучжиной)[3]. Награждены были орденами Перец Маркиш (орден Ленина), Лев Квитко (орден Трудового Красного Знамени), Ицик Фефер (орден Знак Почёта).

Интересно, что так или иначе – но «восходящие звёзды 1939 года» в той или иной степени были связаны с молодым – но весьма перспективным партийным кадровиком Георгием Максимилиановичем Маленковым, который в том же 1939 г. стал членом ЦК, членом Оргбюро ЦК и, что очень важно, начальником управления кадров ЦК и секретарём ЦК. Кто же протежировал этому молодому аппаратчику в чрезвычайно успешном старте? И тут следует вновь вернутся к Соломону Лозовскому, который был старым большевиком,

---

[1] Щербаков А. С. // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A9%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2,_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 10.07.2022).

[2] С. А. Лозовский // Циклопедия. URL: https://cyclowiki.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%BD_%D0%90%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_%D0%9B%D0%BE%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9 (дата обращения: 10.07.2022).

[3] Из показаний П.Д. Маркиша о деятельности ЕАК и его руководителей // Фонд Александра Яковлева. URL: https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/68507 (дата обращения: 10.07.2022). «Еще в 1939 г. Жемчужина помогла организовать торжество по случаю двадцатилетия Государственного еврейского театра и тогда якобы при содействии Жемчужиной Михоэлс получил орден Ленина и был удостоен звания народного артиста СССР».

удостоенным такой странной чести как быть исключённым из партии лично Лениным в декабре 1917 г. (через год его простили)[1]. Лозовский был женат – причём не единожды. О первом и третьем его браках чуть позже – а пока упомянем второй (видимо, незарегистрированный) брак с Августиной Павловной Невзоровой, которая была сестрой не только супруги другого верного ленинца Глеба Максимилиановича Кржижановского, но и родной тёткой Валерии Алексеевны Голубцовой, которая в 1920 г. вышла замуж именно за другого «Максимилиановича» – Георгия Маленкова. Таким образом, будущие главные участники этой истории были не просто знакомы – а состояли в родственных отношениях, которые со временем только укрепились.

Правда, до 1943 г. никакого влияния Маленкова на происходящее как с ЕАК в целом, так и с отдельными его сотрудниками не прослеживается. С некоторой натяжкой можно вспомнить протеже Маленкова – Георгия Александрова, руководителя Агитпропа в качестве которого он частично «направлял» работу ЕАК. Александров своими письмами о непропорциональной представленности евреев в различных советских органах снискал себе стойкую (и вполне вероятно заслуженную) репутацию антисемита[2].

В 1943 г. именно Маленков лично успокаивал академика Лину Штерн, члена президиума ЕАК, которая письменно сообщила Сталину, что в стране подымает голову антисемитизм – и, возможно, антисемиты есть даже в аппарате ЦК. Интересно, что в число таковых – кроме уже упомянутого Александрова – зачастую включали и самого Маленкова, приписывая ему некий «циркуляр», в котором будто бы перечислялись должности, на которые не рекомендовалось брать евреев (и даже вузы, в которые евреев рекомендовалось зачислять ограниченно). Впрочем, самого этого циркуляра

---

[1] Носач В. И., Зверева Н. Д. Расстрельные 30-е годы и профсоюзы. СПб., 2007. URL: https://istprof.ru/1441.html (дата обращения: 10.07.2022).

[2] Докладная записка «О подборе и выдвижении кадров в искусстве» 17.08.1942 // Фонд Александра Яковлева. URL: https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/68347 (дата обращения: 10.07.2022).

никто в глаза не видел – все включая Роя Медведева, о нём только «слышали»[1]. Но в конкретном случае с Линой Штерн Маленков отреагировал совершенно по-большевистски – и принял меры к недопущению проявлений антисемитизма. Это личное знакомство оказалось для них обоих очень полезным, что покажут дальнейшие события.

Приведем еще один факт. Михаил Шамберг, старый товарищ Маленкова ещё с 20-х гг., в каком-то смысле унаследовавший его важнейший пост по управлению партийными кадрами (с другим названием – организационно-инструкторский отдел ЦК) – отправил своему патрону 11 апреля 1944 г. служебную записку на достаточно непрофильную для себя теме: о недостаточной активности Крымского обкома партии по продвижению «наверх» идеи о выселении из области татарского населения. При этом из записки следует, что сам Шамберг такое мероприятие и поддерживает[2].

Как известно, в феврале 1944 г. С. Лозовский принимал самое активное участие в подготовке фатальной для судьбы ЕАК «Записки о Крыме» на имя В. М. Молотова, составленной по его поручению руководителями ЕАК С. Михоэлсом, Ш. Эпштейном и И. Фефером. Маленков копию «Записки» как минимум должен был получить и прочитать ещё 28 февраля. В это время у дочери Маленкова Воли и сына Шамберга – внука Лозовского – Владимира развивался бурный роман, закончившийся через год счастливым браком.

9 мая 1945 г. скоропостижно скончался Александр Щербаков. Вскоре восходящая звезда советской госбезопасности Виктор Абакумов, руководитель вроде бы ненужного в мирное время «Смерша», предоставил

---

[1] Медведев Р. Они окружали Сталина. URL: https://mir-knig.com/read_191592-52 (дата обращения: 10.07.2022). «Вскоре после совещания в ЦК ВКПб) партийные комитеты различных уровней получили подписанное Маленковым директивное письмо, которое тогда в партийных кругах называли "маленковским циркуляром". В нем перечислялись должности, на которые назначение людей еврейской национальности было нежелательно. Одновременно вводились и некоторые ограничения при приеме евреев в высшие учебные заведения».

[2] Докладная записка заведующего организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б) М.А. Шамберга секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову «Об отношении крымских татар к немцам». 11 апреля 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 632. Л. 74-78. Подлинник. Машинопись (Опубликована на портале «Электронная библиотека исторических документов». URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/124071-dokladnaya-zapiska-zaveduyuschego-organizatsionno-instruktorskim-otdelom-tsk-vkp-b-m-a-shamberga-sekretaryu-tsk-vkp-b-g-m-malenkovu-ob-otnoshenii-krymskih-tatar-k-nemtsam-11-aprelya-1944-g#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 10.07.2022).

Сталину данные о некачественной (мягко говоря) работе руководителей советской авиационной отрасли во время войны. Сталин Абакумову поверил, «авиаторы» – Новиков, Шахурин – оказались в тюрьме. а их куратор Маленков впервые за свою карьеру впал в немилость у Иосифа Виссарионовича[1].

Свидетельствует Сергей Хрущёв: «В начале мая 1946 г. обеспокоенный С. Лозовский позвал к себе внука и под большим секретом показал ему только что доставленное Постановление ЦК об отстранении Г. Маленкова от должности Секретаря ЦК за потворство бракоделам-авиаторам:

– Вы должны приготовиться, – посоветовал Шамбергу Соломон Абрамович. К чему следует готовиться, Лозовский хорошо знал, а Володя, несмотря на свою молодость, догадывался»[2].

Под «Володей» в данном случае подразумевается Владимир Шамберг – в тот момент уже и внук Лозовского, и зять Маленкова. В итоге опала Маленкова оказалось не слишком суровой – не исключено, что родственник попросил о помощи своего старого товарища Молотова, который в то время был в зените своей карьеры. Впрочем, и сам Лозовский в качестве видного дипломата был вхож к Сталину. Например, именно в его присутствии шведский посол Седерблом в том же 1946 г. (15 июня) сообщил вождю, что Рауль Валленберг видимо мёртв и искать его шведское правительство не планирует. На это сообщение у шведа ушло пять минут – а после того как посол откланялся, Сталин провёл наедине с Лозовским ещё 55 минут[3]. Видимо ценя в Соломоне Абрамовиче не только специалиста по Скандинавии – но и по еврейскому вопросу, понятно, тесно связанному с судьбой Рауля Валленберга.

---

[1] Рыбас С. Ю. Московские против питерских. Ленинградское дело Сталина // Викичтение. URL: https://history.wikireading.ru/227817 (дата обращения: 10.07.2022). «4 мая 1946 года на заседании Политбюро по предложению Сталина было принято постановление: «1. Установить, что т. Маленков, как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов — над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них ЦК ВКП(б).2. Признать необходимым вывести т. Маленкова из состава Секретариата ЦК ВКП(б)…».

[2] Хрущев С. Н. Реформатор. URL: https://mir-knig.com/read_183664-34 (дата обращения: 10.07.2022).

[3] Журнал посещений Сталина. Запись от 15 июня 1946 года // Исторические материалы. URL: https://istmat.org/node/2224 (дата обращения: 10.07.2022).

О высокой оценке Сталиным способностей Лозовского знали и в США: «21 июня 1946 года, в парижской гостинице “Мерис”. Госсекретарь Бирнс спросил Молотова “…как решает Генералиссимус Сталин внешнеполитические вопросы. Решает ли он их единолично?”

Молотов ответил, что для решения крупных внешнеполитических вопросов в СССР существует целая коллегия. Генералиссимус Сталин очень любит советоваться с людьми. Он, Молотов, не может знать всех дел в деталях. Поэтому Генералиссимус Сталин советуется не только с ним, Молотовым, но и со специалистами по различным вопросам».

Бирнс попросил Молотова назвать тех лиц, с которыми Сталин советуется. Молотов назвал Вышинского, Деканозова, Лозовского, Литвинова и Майского»[1].

У Лозовского сложились хорошие отношения с тогдашним послом США в Москве Уильямом Бидделом Смитом. Тот даже публично Лозовского хвалил – что и в относительно мирном 1946 г. было для советского чиновника скорее минусом, а не плюсом. Кроме того, Лозовский имел неосторожность организовать 20 июня того же 1946 г. встречу Смита с учёными медиками Клюевой и Роскиным – впоследствии обвинёнными в попытке раскрыть американцам секреты лечения рака. Это Лозовскому вскоре припомнили, как и попытку самостоятельно – минуя согласование в ЦК, только в сотрудничестве с внешторговцами – заключить с теми же американцами соглашение по гражданской авиации и судоходству[2].

Несмотря на то, что и Молотов, и Микоян были в курсе происходящего – а американцы вообще проект, поддержанный Лозовским, отклонили – Сталин вменил и этот факт Соломону Абрамовичу в вину. Вследствие всего вышеперечисленного пост заместителя министра иностранных дел Лозовский

---

[1] Млечин Л. МИД. Министры иностранных дел. Внешняя политика России: от Ленина и Троцкого до Путина и Медведева. URL: https://mir-knig.com/read_180866-70 (дата обращения: 10.07.2022).

[2] Микоян А.И. Так было. М.: Вагриус, 1999. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan/05.html (дата обращения: 10.07.2022).

уже в июле 1946 г. потерял, сосредоточившись на работе в Совинформбюро, преподавательской и научной деятельности[1].

Звезда Маленкова вновь начала восходить уже в сентябре 1947 г., когда он сопровождает сталинского любимца Жданова на совещание компартий в Шклярска Порембе, Польше[2]. Эта поездка чисто случайно сыграла важную роль в деятельности ЕАК. Ибо 17 сентября 1947 г. был снят с должности руководителя Агитпропа давний недруг Комитета Александров, которого сменил М. А. Суслов. Михоэлс решил воспользоваться этим и уже на следующий день написал письмо главному идеологу партии Жданову с просьбой разрешить напечатать тираж знаменитой «Чёрной книги». Увы – именно в эти дни Жданов, совместно с Маленковым, уезжали в Польшу – и рассматривать просьбу Михоэлса стали рядовые сотрудники аппарата Жданова. Само собой, им оказалось вполне достаточно того факта, что нужного разрешения на печать не было – и тираж «Чёрной Книги» был уничтожен[3].

Некоторые новые события произошли уже осенью следующего, 1948 г. Маленков не только вернул себе должность секретаря ЦК, но и сумел отстранить своего конкурента Алексея Кузнецова от кураторства над госбезопасностью. Очень скоро после этого Георгий Максимилианович принял весьма деятельное участие в разгроме ЕАК – что и будет рассмотрено ниже.

В январе 1949 г. начались повальные аресты членов уже закрытого комитета в том числе единственной крупной с точки зрения возможной «теории заговора» фигуры – члена ЦК старого большевика Лозовского.

---

[1] Волынец А. Н. Жданов // Викичтение. URL: https://biography.wikireading.ru/184456 (дата обращения: 10.07.2022).

[2] Письмо С. М. Михоэлса А. А. Жданову о завершении издания «Черной книги». 18 сентября 1947 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/297504-pismo-s-m-mihoelsa-a-a-zhdanovu-o-zavershenii-izdaniya-chernoy-knigi-18-sentyabrya-1947-g (дата обращения: 10.07.2022).

[3] Записка бывшего заведующим Особым сектором ЦК ВКП(б) А.Н. Поскребышева в КПК при ЦК КПСС с «разоблачением дружбы Г.М. Маленкова и Л.П. Берии» // Электронная библиотека исторических документов. URL: 16. https://malenkov.rusarchives.ru/5-13-19_zapiska-byvshego-zaveduyushchim-osobym-sektorom-ck-vkpb-poskrebysheva (дата обращения: 10.07.2022).

Аресту предшествовал весьма жёсткий допрос, который совместно с штатным «партийным палачом» М. Шкирятовым провёл именно Маленков – накануне предусмотрительно организовавший экстренный развод своей дочери с внуком Лозовского. Правда, в итоге прожженный аппаратчик всё же попытался спасти родственника – и зафиксировал в докладной записке предложение исключить Лозовского из ЦК, оставив в партии. Коммунистов по негласным советским правилам арестовывать было нельзя. Но абакумовские следователи в этой ситуации оказались убедительнее – и вскоре исключённый и из ВКП(б) Лозовский, и его коллеги по ЕАК были арестованы и оказались в Лефортовской тюрьме. «Разоблачённых еврейских националистов» из ЕАК Абакумов через год с небольшим предложил расстрелять – благо в СССР вернули смертную казнь. 23 марта 1950 г. министр госбезопасности отправляет Сталину список из 85 канидатов на расстрел – в том числе и 16 «еаковцев». Даже беглого прочтения «доказательств преступлений» представленных следствием вождю было достаточно для того, чтобы понять полное отсутствие вообще какого-либо результата от более чем годичной «работы» следственной группы. Сталин расстрельный список не утвердил, и больше Абакумов ему о «деле ЕАК» не докладывал. А летом 1951 г. и сам всесильный министр, и его главные следователи и сами оказались в Лефортово. Причём главную роль в аресте Абакумова сыграл никто иной как Георгий Маленков – именно к нему пришёл с доносом на начальника следователь Рюмин. Впоследствии высказывались предположения, что главным аргументом Рюмина была информация о том, что в данный момент Абакумов начал собирать компромат на самого Маленкова[1]. В итоге министром госбезопасности стал Семён Игнатьев – давняя, ещё по службе в 1920-е годы в Туркестане, креатура Маленкова. Казалось бы, самое время

[1] Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм // Викичтение. URL: https://history.wikireading.ru/189141 (дата обращения: 10.07.2022). См.: ««…Маленков не без истеричности в голосе подытожил: “Что же, вы хотите нас на колени поставить перед этими преступниками? Ведь приговор по этому делу апробирован народом, этим делом политбюро ЦК занималось три раза. Выполняйте решение политбюро!”».

второму лицу в Партии выручить из беды старого товарища и родственника Лозовского.

Но происходит прямо противоположное – Игнатьев и Рюмин, вполне вероятно по прямому указанию Сталина, рьяно возобновляют следствие по делу ЕАК. И весной 1952 г. Игнатьев уже выходит с предложением судить всех, кто ещё не осуждён по смежным делам и не умер на следствии и приговорить – кроме академика Лины Штерн – к смертной казни.

Открывшийся 18 мая 1952 г. военный суд над членами ЕАК (ни одного военного в их числе не было) оказался в своём роде уникальным. Подсудимые получили возможность совершенно свободно обсуждать и свои собственные показания, и показания свидетелей, и даже экспертные заключения. Дело просто рассыпалось. Председательствующий Чепцов (он уже вынес смертный приговор двум членам ЕАК по делу ЗИС) принял решение прервать судебное заседание и попытался отправить дело «на доследование».

Чепцов обошёл все формальные инстанции – Верховный суд, прокуратуру, Комитет Партийного Контроля, Президиум Верховного Совета – но нигде не получил конкретного ответа. В итоге Чепцов попал на приём к Пантелеймону Пономаренко, секретарю ЦК. Тот порекомендовал судье обратиться к Маленкову. Но в кабинете у Маленкова Чепцова ожидал неприятный сюрприз – на встрече оказались также министр госбезопасности Игнатьев и глава следственной части Рюмин, «творцы» обвинительного заключения по делу ЕАК. Получив наконец от Маленкова прямое указание вынести приговор, соответствующий предложениям Игнатьева с довольно хитрой формулировкой – «этим делом политбюро ЦК занималось три раза. Выполняйте решение политбюро!» – судья «выполняя решение» приговорил невиновных даже по самым строгим тогдашним законам советских граждан к расстрелу[1]. Не остались в живых вообще ни в

[1] Вовси-Михоэлс Н. С. Мой отец Соломон Михоэлс: Воспоминания о жизни и гибели. М.: Возвращение, 1997. URL: https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=2338 (дата обращения: 20.06.2022). Из приговора Военной коллегии Верховного суда СССР в части обвинения В. Зускина: «Подсудимый Зускин, будучи членом президиума ЕАК и одновременно ведущим актером Московского еврейского театра, который, как установлено по делу, является одним из филиалов ЕАК по националистической пропаганде, вместе с

чём не виноватые даже по версии следствия Зускин и Ватенберг-Островская, случайно попавший в число обвиняемых Тальми, родственник и старый товарищ Маленкова Лозовский, совершенно необходимый тому же Рюмину для будущего «дела врачей» Б. Шимелиович, «свидетель обвинения» Фефер и даже присланный в ЕАК для наведения там должного порядка ортодоксальный большевик С. Брегман. Последнего, правда, только приговорили к расстрелу, но поскольку он тяжело заболел, оставили в живых. В итоге Брегман через полгода скончался в тюремной больнице совсем незадолго до смерти Сталина.

Зато академик Лина Штерн, смелая женщина, позволявшая себе куда больше высказываний, которые усердно квалифицировались следователями как «националистические» – причём не в кулуарах, а открыто – была приговорена всего лишь к нескольким годам ссылки. Возможно, жизнь Лине Штерн спасло личное знакомство в 1943 г. с Маленковым, разбиравшим её письмо об антисемитах в аппарате ЦК. В тюрьме ей – как минимум после смены руководства МГБ - дали возможность заниматься научной работой. Рукопись её тюремной книги забрал Игнатьев – но вряд ли малообразованному аппаратчику она была интересна. А вот Маленков, человек с хорошими знаниями физики и интересующийся естественнонаучными основами медицины – безусловно, с интересом её труд прочитал[1]. И сохранил жизнь первой женщине-академику в СССР.

Михоэлсом ставил в театре пьесы, в которых воспевались еврейская старина, местечковые традиции и быт и трагическая обреченность евреев, чем возбуждали у зрителей евреев националистические чувства. Направил в Америку ряд статей националистического характера о состоянии искусства в СССР».

[1] Малкин В. Б. Трудные годы Лины Штерн. URL: http://ihst.ru/projects/sohist/papers/mal95f.htm (дата обращения: 10.07.2022). См.: «Наиболее существенной, оригинальной работой Штерн, выполненной в тюрьме, был трактат "О раке", который она направила вместе с письмом министру Абакумову в конце 1951 г. (Архив РАН. Ф.1565. Оп.1. Д.289. Л.1–137.) В трактате на 137 страницах в соответствии с концепцией о функции гистогематических барьеров выдвинула практические предложения по диагностике и лечению рака. Основным мотивом письма Абакумову была просьба предоставить ей возможность продолжить экспериментальную работу, т.е. освободить из тюрьмы. Трагически звучат последние строки письма: "Я не хочу унести с собой в могилу все то, что может еще послужить Советскому Союзу и всему человечеству. Толстой, когда ему минуло 60 лет, стал добавлять к каждой новой мысли о работе три буквы – е.б.ж. (т. е. если буду жив), а мне уже было более 70 лет, когда на меня обрушилась катастрофа. Правда, я собираюсь жить еще несколько десятков лет, но говорят, что в осажденной крепости месяц засчитывается за год. Не знаю, какой счет имеется для тюрьмы. А я нахожусь в тюрьме почти три года, причем два года в одиночной камере, в строгой изоляции. Сердце сдало, но голова еще работает. Очень много передумала за эти последние

Лаврентий Берия, при активнейшем участии которого в 1941 г. и появился Еврейский антигитлеровский комитет, предшественник ЕАК, после смерти Сталина начал активно расследовать деятельность руководства госбезопасности и лично министра Игнатьева. Но на следующий же день после того, как он предложил коллегам из Политбюро арестовать Игнатьева и расследовать его деятельность на посту министра (можно не сомневаться, что шитое белыми нитками «дело ЕАК» тут стало бы одним из главных обвинений), сам «большой мингрел» был то ли арестован, то ли просто убит прямо в Кремле, на заседании Политбюро.

ЕАКовцев позднее реабилитировали, но полностью рассекречено это дело, чудовищное по степени беззакония даже по сталинским меркам, было только в самом конце существования СССР.

годы... Думая о будущем, прибавляю по примеру Толстого три буквы: е.б.с. (т.е. если буду свободна)". Она не знала, что министр уже арестован и находится поблизости в одной из камер центральной тюрьмы».

РОЛЬ «ЧЁРНОЙ КНИГИ» В СУДЬБЕ ЕВРЕЙСКОГО АНТИФАШИСТСКОГО КОМИТЕТА

THE ROLE OF THE "BLACK BOOK" IN THE FATE OF THE JEWISH ANTI-FASCIST COMMITTEE

О. Н. Селицкая (Москва, Россия)
O. N. Selitskaya

Аннотация: Немаловажную роль в судьбе ЕАК сыграла «Чёрная книга» - публикация о преступлениях нацистов против евреев, которая готовилась под руководством комитета в 1943–1947 г. Сборник фигурировал в двух судебных процессах, в одном из которых послужил доказательством вины нацистов в геноциде, а в другом – вины ЕАК в национализме, антисоветизме и шпионаже.
Annotation: An important role in the fate of the JAC was played by the "Black Book" - a publication about the crimes of the nazis against the jews. The book figured in two trials as evidence of the nazi's guilt in the genocide and of the guilt of the JAC in nationalism, anti-sovietism, espionage.

Ключевые слова: «Чёрная книга», Еврейский антифашистский комитет, Холокост, суд
Key words: the Black Book, Jewish Anti-Fascist Committee, Holocaust, trial

18 декабря 1942 г. можно считать «отправной точкой» в истории «Чёрной книги» – тогда в СССР состоялась публикация совместной декларации союзных держав, где говорилось о нацистских преступлениях против евреев[1]. В конце 1942 г. ЕАК получил от Американского комитета еврейских писателей, артистов и учёных (АКЕПАУ) письмо следующего содержания: «Советский Союз – единственная страна, которая собирала конкретные данные обо всех погромах фашистов против евреев. Эти

[1] Альтман И.А., Карасик О.Б. История и судьба «Чёрной книги»: писатели и документы эпохи // Филология и культура. 2018. № 3 (53). С. 134.

документы в настоящее время находятся в архивах ЕАК и других официальных организаций Советского Союза. Необходимо, чтобы эти факты были известны государству Соединённых Штатов, государствам всех наций, которые борются против фашизма, а также и евреям всего мира. Для этого все эти драгоценные материалы необходимо собирать, обработать и напечатать в официальном документе под заглавием «Еврейская чёрная книга» …»[1].

27 июля 1943 г. газета «Эйникайт» опубликовала сообщение о плане издания книги и персональном составе редколлегии, а также призвала читателей присылать в ЕАК письма и документы по теме. Так впервые была обнародована идея об издании «Чёрной книги».

Задачей американской стороны было составление книги, в которой должна быть освещена подготовка массовых убийств евреев. Советская сторона же собирала и готовила к публикации свидетельства о том, как это было осуществлено[2].

В состав сборника вошли документы личного происхождения – письма, дневники, а также официальные документы, предоставленные ЧГК – показания свидетелей, исполнителей и организаторов казней. Наряду с документами в «Чёрную книгу» включены очерки писателей на основе документов. Таким образом, «Чёрная книга» – не только документальная публикация в привычном понимании, но и публицистическое произведение.

Поскольку «Чёрная книга» являлась продуктом взаимодействия комитета с зарубежными организациями, в первую очередь США, и между сторонами происходил активный обмен материалами, это впоследствии дало суду повод обвинить комитет в шпионаже.

На заседании президиума ЕАК 25 апреля 1946 г. председателем комитета Соломоном Михоэлсом был поднят вопрос о необходимости издания «Чёрной книги» на еврейском языке в СССР[3], что могло быть

---

[1] Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941-1948: Документированная история / Под ред. Ш. Редлиха и Г.В. Костырченко. М.: Международные отношения, 1996. С. 246.
[2] ГА РФ. Ф. Р-8114. Оп. 1. Д. 967. Л. 10.
[3] ГА РФ. Ф. Р-8114. Оп. 1. Д. 967. Л. 15.

впоследствии расценено как одно из проявлений националистических наклонностей руководящего состава комитета.

Несмотря на то, что работа над книгой началась с ведома и одобрения органов советской власти, публикация на русском языке внутри страны считалась нежелательной. В начале войны советское правительство поощряло усиление национального самосознания еврейского населения, т.к. евреям в СССР оно помогало сплотиться для борьбы с нацистами, а евреям за границей – для помощи Советскому Союзу в этой борьбе. Смену политического курса в сторону замалчивания антиеврейской направленности нацистских преступлений можно объяснить влиянием геббельсовской пропаганды, которая объявляла евреев врагом номер один не только Германии, но и русских, а Гитлера – освободителем русского населения от евреев и от власти «жидобольшевизма». В связи с этим на оккупированных территориях и в тылу увеличилось количество проявлений антисемитизма со стороны советского населения, и к концу войны руководство страны решило, что о евреях по возможности лучше вообще не упоминать и никак не выделять эту нацию, чтобы не подкреплять в массовом сознании идею о связи и тождества еврейства и большевизма.

На ужесточение отношения к ЕАК советских властей также повлияло такое явление как доктрина Жданова – культурная установка, введённая в 1946 г. секретарём ЦК КПСС А. А. Ждановым. Основная идея доктрины - противопоставление СССР и США. Доктрина повлекла за собой обвинения деятелей искусства в буржуазности, индивидуализме, антисоветской и прозападной направленности их творчества. Установка достигла своего расцвета после смерти Жданова в августе 1948 г. Этот период характеризуется усилением антисемитизма, развёртыванием кампании по «борьбе с безродным космополитизмом» и репрессиями.

В конце 1946 г. ЕАК был выведен из подчинения Совинформбюро и передан в непосредственное ведение ЦК, где новым куратором комитета

назначили Михаила Суслова, который впоследствии стал одним из главных борцов с «безродным космополитизмом».

28 ноября 1946 г. А. А. Жданову было отправлено письмо с просьбой о содействии в выходе «Чёрной книги», подписанное Михоэлсом, Фефером, Гроссманом и Эренбургом. Это обращение было отдано на рассмотрение начальнику Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову, и тот 3 февраля 1947 г. подготовил записку, в которой обвинил ЕАК и его покровителей из Совинформбюро в том, что материалы «Чёрной книги» были отправлены за границу без разрешения ЦК. Кроме того, Александров вынес вердикт, что книга искажает исторические факты, создаёт неверное впечатление, что нацисты напали на СССР исключительно для уничтожения евреев и замалчивает злодеяния гитлеровцев против представителей других наций.

В начале 1947 г. был подготовлен проект постановления, в котором содержались признания Михоэлса и Фефера в том, что задачи комитета исчерпаны. К проекту прилагалось заранее подготовленное решение ЕАК о самороспуске.

Но судьба комитета продолжала обсуждаться на протяжении всего 1947 г., поскольку комитет был ещё полезен как орган пропаганды за рубежом.

7 октября 1947 г. была подписана справка, подготовленная заведующим отделом издательств Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б): «Чёрная книга» была внимательно рассмотрена в Управлении пропаганды. Книга содержит серьёзные политические ошибки. Издание книги на 1947 г. Управлением пропаганды не утверждено. Исходя из этого, «Чёрная книга» не может быть издана»[1].

В ноябре 1947 г. уже не было сомнений в том, что русское издание «Чёрной книги» осуществлено не будет. Именно в этот период началась фабрикация «дела ЕАК».

---

[1] Там же. С. 263.

20 ноября 1948 г. было утверждено решение ЦК ВКП(б) о роспуске ЕАК. 21 ноября из здания ЕАК были вывезены книги и документы. Первым в Москве был арестован И. Фефер.

С 13 по 28 января 1949 г. были арестованы практически все будущие обвиняемые. Среди них 5 членов президиума ЕАК, входившие в состав международной редколлегии «Черной книги»: Д. Бергельсон, Л. Квитко, П. Маркиш, И. Фефер, Л. Штерн[1].

Суд длился с 8 мая по 18 июля 1952 г. В этот период «Чёрная книга» ещё раз сыграла роль вещественного доказательства – на этот раз доказательства приверженности членов ЕАК, под чьим руководством и при чьём участии она готовилась, националистическим идеям, а также доказательства шпионской деятельности – ведь её материалы передавались в США для публикации там, и, как утверждало обвинение, они были отправлены без разрешения высших инстанций, которые такого разрешения не дали бы. Фефер «признал» в ходе процесса: «Мы договорились с американскими националистами об издании «Чёрной книги». Мы получили согласие издать «Чёрную книгу» и от Лозовского. Таким образом, я считаю, что в Комитете велась националистическая работа, что руководители Комитета посылали материал, представляющий государственную тайну»[2].

Обвинения выдвигались не только людям, которые занимались отбором материалов и написанием очерков для книги, но и всем, кто как-либо поучаствовал в процессе её создания, более или менее опосредованно. Таковым стал Соломон Леонтьевич Брегман, который в составлении «Чёрной книги» не участвовал, но был председателем специальной комиссии, которая проводила сравнительный анализ двух рукописей книги – редколлегии ЕАК и литературной комиссии Эренбурга для урегулирования спора между ними.

---

[1] Там же. С. 246

[2] Неправедный суд. Последний сталинский расстрел (стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета) / Сост. В. П. Наумов, А. А. Краюшкин, Н. В. Тепцов М.: Наука, 1994. С. 26. В тоже время именно Фефер в ходе суда пытался доказать, что «Черная книга» реально отражала преступления нацистов против еврейского народа.

Брегман обвинялся в том, что, ознакомившись с содержанием рукописи, не углядел в ней националистических мотивов[1].

Суть претензий к «Чёрной книге» была отражена в приговоре Военной коллегии Верховного суда СССР: «Ярким примером смыкания руководителей ЕАК в националистической деятельности с еврейскими националистами США является издание в 1946 г. так называемой “Чёрной книги” […] В этой книге евреи обособляются в отдельную, противопоставленную другим народам категорию, преувеличивается вклад евреев в мировую цивилизацию, концентрируется внимание исключительно на жертвах, понесённых евреями во второй мировой войне, и протаскивается мысль, что фашизм представлял угрозу якобы только для евреев, а не для всех народов и мировой цивилизации»[2].

В пятой книге своих мемуаров «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург посвятил истории «Черной книги» целую главу. Она была опубликована в январе 1963 г. в журнале «Новый мир», а затем вышла в собрании сочинений писателя. Благодаря этому о проекте «Черная книга» узнали миллионы читателей.

[1] Там же. С. 226.
[2] Там же. С. 378.

«ЧЕРНАЯ КНИГА» О СУДЬБАХ ПЕДАГОГОВ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР

"BLACK BOOK" ON THE FATE OF TEACHERS AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE OCCUPIED TERRITORY OF THE USSR

С. А. Тиханкина (Москва, Россия)
S. A. Tikhankina

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые аспекты нацистского оккупационного режима и Холокоста через судьбы педагогов – евреев и работу образовательных учреждений.

Annotation: The article discusses some aspects of the Nazi occupation regime and the Holocaust through the fate of Jewish teachers and the work of educational institutions.

Ключевые слова: учитель, оккупация, школа, спасение, уничтожение, сопротивление.

Key words: teacher, occupation, school, salvation, destruction, resistance.

Одним из главных результатов деятельности ЕАК стала подготовка к публикации «Черной книги»[1]. В ней рассказано о судьбах около 30 педагогов из разных регионов оккупированной территории СССР: о том, как они погибали, выживали, сопротивлялись, помогали спасать других. К сожалению, текст и подготовительные материалы «Черной книги» о школьных учителях и профессорах университетов, а также некоторых аспектах деятельности образовательных учреждений на оккупированной территории еще не становились предметом специального анализа.

[1] Черная книга / Под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М: АСТ: CORPUS, 2015. 768 с.

Учитывая то, что профессия учителя была и остается одной из самых массовых, можно предположить, что после начала Великой Отечественной войны значительная часть педагогов оказалась на оккупированной территории. В «Черной книге» мы не найдем однозначного ответа на вопрос, помогала или нет профессия выживанию и спасению. По-разному складывались и взаимоотношения педагогов с коллегами и учениками. Одно можно сказать определённо: в оккупации в людях проявлялись как самые лучшие качества, так и низменные.

Из рассказов о Виленском, Рижском, Шауляйском гетто мы узнаем о деятельности и гибели учителей-евреев. В этих текстах названы конкретные фамилии педагогов и профессоров, гимназии и университеты, в которых они работали до того, как были отправлены в гетто, а затем расстреляны только за то, что родились евреями.

В Виленском гетто школа была открыта в разрушенном молитвенном домике, а руководила ей известный виленский педагог Мирра Бернштейн. Она ни на один день не расставалась со своими учениками, которых с каждым днем становилось все меньше. Если вначале в школе обучалось 130 учащихся, то к октябрю 1941 г. их количество сократилось до 40. Но, несмотря ни на что, дети продолжали учиться, ставили спектакля, сами варили себе пищу, чинили одежду. Мирра, рискуя собственной жизнью, оберегала детей во время облав, прятала их под сценой, дежурила у дверей школы. Конечно, это была только отсрочка от смерти, но подобные проявления мужества и заботы о тех, кто слабее тебя, помогали находить силы для выживания и тому, кто спасал и тем, кто был рядом[1].

Член юденрата гетто Шауляя в Литве учитель А. Ерушалми вспоминал, что по его инициативе в 1943 г. сначала в Трокском, а затем Кавказском районах гетто были открыты полуподпольные школы. Они располагались в синагогах, в небольших помещениях площадью 18–20 кв. м. Школы работали

[1] Там же. С. 341.

с утра до вечера, в них обучались от 90 до 200 еврейских детей, которых объединяли в группы по 35–40 человек. Не всем хватало сидячих мест, поэтому ребятишки учились стоя, тесно прижавшись друг к другу. Занятия продолжались полтора-два часа в день. Во время уроков царила полная тишина. Но в этой тишине гетто словно оживало.

Несмотря на голод, тесноту и холод дети с радостью бежали в школу, охотно учились, а после уроков трудились наравне со взрослыми. Они работали на огородах, занимались прополкой и охраняли свои грядки[1].

Поведение людей в период оккупации трудно оценивать с позиции морали мирного времени.

Для одних педагогов важно было сохранить в людях веру, надежду и любовь, для других показать свое превосходство, выжить любой ценой.

Не имея возможности изменить ситуацию, профессор Рудницкий, после того как ему передали из гетто рукопись молодого хирурга Залкиндсона, высказал слова восхищения и гордости своим бывшим учеником. Профессор был уверен, что после войны, когда мир ознакомится с его работой по астрономии, автора оценят по достоинству.

Сам Залкиндсон погиб в Виленском гетто, несмотря на то, что предпринимались попытки спасения талантливого хирурга и математика. На все предложения укрыться в специально оборудованном убежище Залкиндсон отвечал отказом. Он был уверен, что пока пишет свой труд, смерть над ним не властна, а «когда он будет окончен, мне незачем больше жить»[2].

Судьба свела коменданта Рижского гетто Иоганна Зиберта, бывшего студента Гейдельбергского университета, с историком, автором «Всемирной истории евреев» Семеном Дубновым, у которого он слушал лекции по истории Древнего Востока и всеобщей истории евреев.

Зиберт сразу узнал своего бывшего профессора. Человек с высшим образованием, воспитанный на идеях гуманизма при каждом удобном случае

---

[1] Там же. С. 388.
[2] Там же. С. 349.

старался оскорбить своего учителя, поиздеваться над восьмидесятилетним стариком[1].

До последнего дня Дубнов вел дневник, в котором подробно излагал историю рижского гетто. На смерть профессор отправился с видом человека, исполнившего долг перед своим народом.

На оккупированной территории СССР тотальному уничтожению подвергались не только чистокровные евреи, но и полукровки, так называемые, мишлинги. Из «Черной книги» узнаем о расстреле еврейских учительниц вместе с детьми-полукровками в деревне Козенки (Белоруссия) и местечке Шамово (Смоленская область).

Инженер Бася Пикман из белорусского Мозыря свидетельствовала о гибели учительницы-еврейки, бывшей замужем за белорусом. Спасаясь от немцев, Б. Пикман оказалась в деревне Козенки, где познакомилась с молодой, очень красивой женщиной: «У нее было трое детей, старшему было шесть лет, младший еще не ходил»[2]. На предложение уйти вместе, учительница ответила отказом: «Куда я пойду с тремя крошками?». Весть об их гибели настигла Басю, в соседней деревне[3].

Учительница Фаня Симкина, бывшая замужем за русским, также не избежала участи евреев Рославльского района Смоленской области. Она должна была умереть вместе со своим девятимесячным сыном Валериком и младшей сестрой Раисой, студенткой Ленинградского педагогического института. В день расстрела евреев в местечке Шамово в феврале 1942 г. ей чудом удалось выжить и с отмороженными руками добраться до партизан.

Лежа в яме вместе с расстрелянными около 500 стариков, старух и женщин, она видела смерть сына. «Детей подымали за волосы или за воротник, как котят, и стреляли им в голову»[4].

---

[1] Там же. С. 478.
[2] Там же. С. 230.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 281.

Как видим, рассчитывать на сохранение жизни учителям-евреям не приходилось. Но иногда они получали отсрочку от смерти благодаря знанию немецкого языка, так как оккупанты привлекали их к работе переводчиками.

Переводчиком у коменданта гетто Глубокое (Белоруссия) Розентретера работал учитель немецкого языка Давид Плискин. За попытку сорвать несколько ягод малины, его чуть не расстреляли. Только принимая во внимание «чистосердечное раскаяние» Плискина и то, что за него заступилось начальство, расстрел был заменен огромным денежным штрафом. Можно предположить, что именно профессиональные качества учителя позволили ему тогда сохранить жизнь.

Анализируя судьбы учителей на оккупированной территории можно сделать вывод, что они часто становились во главе как духовного, так и физического сопротивления. Показывали пример мужества во время расстрелов, создавали и возглавляли партизанские группы и отряды.

Именно в гетто учителя своим поведением давали надежду другим, делали все для сохранения в себе и других человеческого. Там, где люди были лишены всех прав, они организовывали культурную жизнь, устраивали подпольные лекции, театральные представления, открывали школы.

Примером духовного сопротивления можно считать возрождение библиотеки в Виленском гетто. Книги стали читать даже те люди, которые в обычное, нормальное время редко брали их в руки. Наибольшим спросом пользовались художественная литература и детские книги. По отчетным данным библиотеки, количество выдаваемых книг резко увеличивалось в дни облав и исчезновения людей из гетто. К ноябрю 1942 г. число выданных книг достигло ста тысяч. Следует отметить, что во время политических кризисов и нестабильного состояния общества интерес к чтению отмечался в различные исторические периоды.

Учительницы-еврейки не только вставали на защиту своих учеников, но порой вели себя, как настоящие герои, способные своим мужеством и бесстрашием бросить вызов палачам. Во время карательной операции в

местечке Ярышев 21 августа 1942 г. учительница математики Гита Талейснина перед расстрелом обратилась к 500 обреченным с речью: «Есть наши братья на фронте. Они вернутся. Есть советская власть. Она бессмертна. Есть Сталин. Он этого не забудет»[1].

С похожими словами обратилась к палачам Дора Каган в белорусском городе Чаусы. «Мы беззащитные и не можем бороться с вами. Но всех вы не уничтожите. Остались миллионы советских людей, они за нас отомстят. Невинная наша кровь будет на их знаменах...»[2]. Конечно, обе они погибли вместе со своими детьми и другими обреченными, но показали, что не все евреи шли на смерть, как «овцы на заклание».

Примером активного сопротивления своей участи являются и еврейские партизанские отряды, которые действовали в Белоруссии и Литве. В «Черной книге» описаны истории создания подпольных, партизанских групп, во главе которых стояли учителя. Так, сельская учительница Тамара Бурык создала подпольную группу в Приднестровье вместе с бывшим учеником Борисом Хандросом[3]. Партизанскую группу в концлагере близ Вильно возглавил учитель Лев Опескин. Он погиб в бою 10 июля 1944 г., когда специальная команда эсэсовцев окружила лагерь и открыла по заключенным евреям огонь из пулеметов. Неожиданный отпор, оказанный партизанами, позволил прорвать окружение и убежать более ста узникам в город, где они дождались прихода Красной армии[4].

Как правило, учителям верили, они пользовались авторитетом, им доверяли. Этот факт использовали партизаны для убеждения узников гетто или концлагерей в правильности выбранной тактики поведения, действий подпольной группы. Чтобы убедить жителей Виленского гетто в необходимости сопротивления, партизанская организация, написавшая

---

[1] Там же. С. 60.

[2] Неизвестная черная книга. Свидетельства очевидцев о Катастрофе советских евреев (1941-1944). / Сост. И.А. Альтман. М.: «Текст», 1993. С. 273.

[3] Черная книга. С. 137.

[4] Там же. С. 374.

воззвание «Не дадим вести себя, как овцы на заклание!» обратилась за помощью к учительнице Т. Кац. Она была всем известна, как разумная, правдивая женщина. Ее рассказу о происходящем в Понарах не могли не поверить. Кац рассказала о расстреле евреев в Понарах и о том, как ей, раненой несколькими пулями, удалось ночью выбраться из ямы и полуголой приползти в город[1]. А молодой учительнице Х. Гроссман не только удалось выполнить задание и передать это воззвание узникам Варшавского гетто, но и участвовать в создании подпольной «Группы борьбы с немецкой оккупацией» в белостокском гетто, установить связь с партизанским отрядом и стать активной участницей восстания[2].

Особое место в документах «Черной книги» занимают тексты, посвященные спасению евреев неевреями, то есть Праведникам народов мира.

Способы спасения описаны разные. Это и подделка документов, смена имени, укрывательство в помещении школы или в убежище под школой, в своем доме или квартире; вывоз евреев на машине из концлагеря и др.

Известны случаи, когда в течение полугода учительница Эльвира Ронис с 70-летней матерью Марией Вениньж прятали группу евреев. Они не только спасли их от участи узников Саласпилсского лагеря, но и сохранили жизнь. Все они дождались прихода Красной армии[3].

Шесть месяцев учительница Екатерина Ксендзова прятала в подземном ходе под школой свою коллегу. Прежде чем оказаться в здании деревенской школы, вернее под ним, Хана Ходос четыре месяца скиталась по деревням Смоленской области. За три года работы в школах Касплянского района у нее появилось много знакомых, но из-за смертельной опасности они пускали ее к себе только на одну ночь. А дальше снова в путь. На несколько дней Хана нашла приют в маленьком домике бывшей коллеги Александры Степановны Тимофеевой в деревне Бабинцы. От посторонних глаз она прятала

[1] Там же. С. 350.
[2] Черная книга. С. 359.
[3] Там же. С. 486.

учительницу-еврейку под подушками на печке. Но это было небезопасно. К тому же, Тимофеева не могла рисковать жизнью своих близких: матери, сестер и их детей. Так Хана и еще одна еврейка сначала оказались на полгода в подземелье школы у Ксендзовых, а затем в партизанском отряде.

В 2006 г. Екатерина Ефимовна Ксендзова и ее дочь Нина получили звание Праведник народов мира[1].

Из истории Холокоста известно, что далеко не каждый решался помогать и прятать у себя обреченных. Да и место для убежища найти было непросто. Известны случаи спасения в школьных зданиях, деревенских избах, городских квартирах, подсобных помещениях и т. д. Конечно, ни одно из них не давало гарантии безопасности, но сложнее всего сделать это было в коммунальной квартире.

Примером самоотверженного мужества, милосердия и эмпатии является история спасения еврея Евсея Гопштейн русской учительницей**.** Казалось бы, невозможно прятать 2,5 года человека в условиях 20-квартирного дома при наличии соседей и постоянных обысков! Но ей это удалось. Учительнице не только приходилось постоянно перепрятывать Евсея из комнаты в кладовку и обратно, рискуя собственной жизнью, но и кормить его, деля свой скудный паек на двоих. Так уцелел Евсей Гопштейн, один из четырнадцати тысяч евреев Симферополя[2].

Благодаря художественному и документальным фильмам многие знают об Ирене Сендлер, спасшей 2500 еврейских детей из Варшавского гетто. Таким же способом, как и будущая польская Праведница вывозил евреев на машине из минского концлагеря белорусский учитель, до войны работавший в школе колхоза «Красный маяк» Минского района. Ему удалось спасти несколько евреев – узников лагеря на улице Широкой, в том числе Леву Бейлина, будущего партизана Буденновского отряда[3].

---

[1] Там же. С. 522–523.
[2] Черная книга. С. 526–529.
[3] Там же. С. 194.

Из подготовительных материалов «Черной книги», вошедших в текст впервые изданной в начале 90-х «Неизвестной черной книги», можно узнать о фактах, когда педагоги вставали на сторону палачей. Сотрудничать или нет с оккупантами каждый решал сам.

Не менее интересны воспоминания о работе школ, организации обучения в период оккупации. Наиболее подробно рассказали об этом киевская учительница Эмилия Котлова и учительница из пос. Хиславичи Смоленской области В. М. Сорина.

Весной 1942 г. немецкое командование издало приказ об открытии четырехклассных начальных школ с 1 октября и обязательном их посещении детьми в возрасте с 8 до 12 лет. Причем, родители отвечали за посещение школы детьми и даже вводились наказания за пропуски уроков в виде штрафов и лишения хлебных карточек. Только еврейским детям было запрещено учиться.

Кроме родителей контроль за посещением детьми занятий осуществляли специальные отделы школ (просвещения или образования), созданные в городских и районных управах. Они же вели учет педагогических кадров. Так как учителей с антисоветским или дореволюционным прошлым (а именно им отдавалось предпочтение) не хватало, то к преподавательской работе после проверки допускали даже членов ВЛКСМ, но ни в коем случае евреев и коммунистов.

Учителя-евреи могли работать в школе только скрыв свое происхождение, как, например, Эмилия Котлова из Киева. Она бежала вместе с детьми из города, скиталась по деревням в поисках работы и места жительства.

Котлова ненадолго устраивалась в школу учителем начальных классов, но все время была под подозрением у заведующего, бывшего советского

учителя, «сына попа»[1]. Живя в школьном здании, она чувствовала себя более-менее безопасно лишь когда из-за холода и отсутствия дров уроки отменялись.

С 1942 г. на всей оккупированной территории возрождалось религиозное воспитание учеников, что для Котловой стало настоящим испытанием. Будучи иудейкой, она не знала православных традиций, праздников, не молилась, не ходила в церковь, поэтому не могла преподавать закон божий. В том, что она не русская уже никто не сомневался.

Поскольку существовал приказ о выдаче евреев и обещалось денежное вознаграждение, то заведующий решил на ней заработать и получить с Котловой 1000 рублей. «Сын попа», проработавший в школах Советского Союза много лет, шантажировал учительницу, угрожал рассказать немцам о ее «жидовстве». Не дождавшись денег, он донес на нее в гестапо. И только наличие документов, подтверждающих, что она русская, спасло Котлову от смерти.

Еще об одном таком коллаборационисте рассказала учительница Сорина. Будучи еврейкой, она хорошо понимала, что, оставаясь в оккупации ей и ее троим малолетним детям грозит смерть.

Знакомые помогли Сориной с документами, написали свидетельство о рождении, скрепили печатью, поменяли имя на русское. Стала она «Соколовой Верой, православной веры»[2]. Но новые документы не гарантировали ей спокойную жизнь. Страх быть узнанной заставлял Сорину метаться из деревни в деревню, из избы в избу.

Отчаявшись, она обратилась к начальнику школьного отдела, бывшему преподавателю немецкого языка средней школы поселка Хиславичи Ржецкому. Сорина вспоминала, что Ржецкий был выходцем из духовенства, хорошо образован, знал языки: немецкий, английский, еврейский. «До войны был репрессирован по линии НКВД. Ясно, что он ненавидел советскую власть, но смог хорошо маскироваться и имел среди населения хороший авторитет.

---

[1] Неизвестная черная книга. С. 69.
[2] Там же. С. 362.

Но когда пришли немцы, он свободно вздохнул, сразу же стал переводчиком у немецкого коменданта, а затем стал во главе школьного образования. Он открыл школы в районе и заставил всех учителей работать»[1]. Все учителя были взяты на учет.

Сорина рассказала Ржецкому, что она учительница-беженка и ей негде жить. Новые документы помогли получить разрешение обустроиться в школьном здании в деревне Пыковке. Именно здесь она узнала о расстреле евреев в п. Хиславичи. Самой ей удалось выжить благодаря смене имени и новым документам, помощи знакомых, а порой и незнакомых людей.

Свидетельство учительницы Сориной важны и для характеристики работы школ по советской программе и советским учебникам. Школа в Хиславичах Смоленской области была открыта в сентябре – октябре 1942 г. приказом немецких властей. В ней работал коллектив молодых учителей, состоящий почти из одних беженцев. Для них работа в школе была возможностью скрыться от Германии и полиции. Трудились они спустя рукава и приказ школьного отдела об изъятии из программы материала политического содержания проигнорировали. Портреты вождей в учебнике также остались не заклеенными, тем более, что выполнение приказа никто не проверял.

Тексты «Черной книги» и «Неизвестной Черной книги» позволяют рассмотреть разные аспекты нацистского оккупационного режима и Холокоста. Накануне 2023 г. – Года учителя и педагога – прочтение «Черной книги» как источника о судьбах педагогов периода Великой Отечественной войны будет полезным и небезынтересным как для самих учителей, так и для их учеников.

[1] Там же. С. 395.

ЕВРЕЙСКИЙ АНТИФАШИСТСКИЙ КОМИТЕТ КАК СООБЩЕСТВО ПАМЯТИ[1]

THE JEWISH ANTI-FASCIST COMMITTEE AS A COMMUNITY OF REMEMBRANCE

Ю. А. Волохова (Россия, Москва)
J.A.Volokhova

Аннотация: В статье через обращение к документам из фонда Еврейского антифашистского комитета в Государственном архиве Российской Федерации и к ряду публикаций в болгарской газете «Еврейские вести» за 1945–1946 гг. предпринимается попытка на конкретных примерах продемонстрировать, что Еврейский антифашистский комитет был не только официальной государственной организацией, выполнявшей пропагандистские задачи, но и местом, где в годы войны и сразу после ее завершения было непреднамеренно создано особое социальное сообщество, объединявшее интеллектуалов, фронтовиков и простых людей, переживших ужасы войны и потерявших близких в результате нацистского террора. Особое внимание уделяется анализу той роли, которую в данном сообществе играли советские писатели Василий Гроссман и Илья Эренбург.

Annotation: In the article, through an appeal to documents from the fund of the Jewish Anti-Fascist Committee in the State Archive of the Russian Federation and to a number of publications in the Bulgarian newspaper "Jewish News" for 1945–1946, the author attempts to demonstrate with concrete examples that the Jewish Anti-Fascist Committee was not only an official state organization that carried out propaganda tasks, but also a place where, during the war years and immediately after it, a special social community was unintentionally created that united intellectuals, front-line soldiers and ordinary people, survived the horrors of the war and lost loved

[1] Архивные исследования и работа над подготовкой данного доклада проводились по международному гранту Центра «Сэфер» на исследования по истории и культуре российского еврейства в различные исторические периоды. Грант предоставлен в рамках благотворительной программы «Академическая иудаика на постсоветском пространстве», реализуемой при поддержке фонда «Генезис» (Genesis Philanthropy Group)».

ones as a result of the Nazi terror. Particular attention is paid to the analysis of the role that Soviet writers Vasily Grossman and Ilya Erenburg played in this community.

Ключевые слова: Еврейский антифашистский комитет, «Черная книга», В. С. Гроссман, И.Г. Эренбург, Холокост, советские евреи, «Еврейские вести»
Key words: Jewish Anti-Fascist Committee, The Black Book, V.S. Grossman, I.G. Ehrenburg, Holocaust, Soviet Jews, The Jewish News

История ЕАК и «Черной книги» подробно изложена в целом ряде исследований[1], тогда как неофициальная жизнь комитета и та особая, подчас терапевтическая роль, которую он играл в годы войны и сразу после ее окончания для советских интеллектуалов, фронтовиков и простых людей, переживших ужасы войны и потерявших близких в результате нацистского террора, изучены в гораздо меньшей степени.

О том, что внутри ЕАК непреднамеренно было сформировано особое социальное сообщество, возникшее в процессе документации Холокоста, пишет Полли Завадивкер в работе «Сохраняя “события, исчезнувшие словно дым”: Черная книг как сообщество выживших и писателей, 1943-1946» (Preserving ‘Events that are Vanishing Like Smoke’: The Black Book as Community of Survivors and Writers 1943–1946). Она отмечает, что помещение комитета на Кропоткинской улице стало местом памяти, где в «сообществе выживших» можно было поделиться пережитым горем и найти поддержку[2]. Значимо, что именно логика «сообщества выживших», стала одним из основных принципов и при распределении материалов между редакторами и

[1] Об истории ЕАК и «Черной книги» см.: Редлих Ш., Костырченко Г. В. Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948: Документированная история. М., 1996; Рубинштейн Дж. Разгром Еврейского антифашистского комитета. М., 2002; Люстигер А. Сталин и евреи: Трагическая история Еврейского антифашистского комитета и советских евреев. М., 2008; Альтман И. А. «Это крик человеческой души». К истории «Черной книги» // Черная книга / под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М., 2015. С. 707–717. и др.

[2] Zavadivker P. Preserving ‘Events that are Vanishing Like Smoke’: The Black Book as Community of Survivors and Writers 1943–1946 // ZUTOT: Perspectives on Jewish Culture. 2015. Vol. 11. P. 1–12.

составителями «Черной книги». Чаще всего материалы редактировались теми, для кого трагедия евреев, уничтоженных в определенном регионе, была личной неизживаемой раной[1].

В рамках этого сообщества в наиболее сложном положении оказались именно члены ЕАК. По справедливому замечанию Джошуа Рубинштейна, будучи представителями пропагандисткой организации, полностью подконтрольной властям, они должны были (зачастую интуитивно) улавливать и выражать официальную советскую позицию в отношении массового уничтожения евреев нацистами, продолжая вместе с тем переживать Холокост как глубоко личную трагедию[2].

Совершая лишь один из подступов в указанном проблемном поле, мы ставим своей целью через обращение к документам из фонда Еврейского антифашистского комитета в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ), а также к публикациям в болгарской газете «Еврейские вести» 1945–1946 гг., на нескольких конкретных примерах показать, что неформальное сообщество памяти, продолжало жить и функционировать и вне работы над «Черной книгой», а также выявить ту роль, которую в нем играли советские писатели Василий Гроссман и Илья Эренбург.

Известно, что в январе 1945 г. Шахно Эпштейн и Ицик Фефер, не известив Илью Эренбурга, отправили в США 552 страницы документов, собранных в СССР для будущей «Черной книги», результатом чего стал развернутый конфликт, отказ Эренбурга от продолжения работы над «Черной книгой» и роспуск 25 апреля 1945 года литературной комиссии. Между тем,

---

[1]«Сейфуллина представила материал о Крыме, объясняется это тем, что она ездила в Крым сразу после освобождения Крыма — там скрывалась ее племянница Людмила Шапиро»; «Довольно много материалов было об Одессе — мы этот материал предложили В.Н. Инбер, как одесситке, знающей город», — подобным образом Илья Эренбург объяснял распределение материалов на заседании литературной комиссии ЕАК 13 октября 1944 года. См.: Волохова Ю. А. Стенограмма заседания литературной комиссии Еврейского антифашистского комитета 13 октября 1944 г. // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2020. Т. (3) № 2. С. 230–232.

[2] Поэт Фефер потерял отца в украинском городе Шпола; Б. А. Шимелиович, главный врач московской Боткинской больницы, потерял брата; первая жена актера В. Л. Зускина погибла в Литве; мать и младший брат поэта Д. Н. Гофштейна убиты в Бабьем Яру под Киевом; у Д. А. Драгунского были убиты родители, братья, две сестры и несколько других родственников. Мать В. Гроссмана была расстреляна под Романовкой на Украине. См.: Rubenstein J. Vasilij Grossman and ‘The Black Book’ // Contemporanea. 2012. Vol. 15. № 4. P. 753.

этот официальный разрыв отношений с ЕАК, вовсе не означал прекращения неофициальных контактов с комитетом, его сотрудниками и неформальным кругом людей, объединенных пережитым травматическим опытом.

Летом и осенью 1945 г. Илья Эренбург совершил поездку по союзным республикам и странам Европы, а также побывал на Нюрнбергском процессе. Во время поездки он встречался с представителями еврейской общественности за рубежом, в том числе с представителями еврейских общественных организаций, имевших тесные контакты с ЕАК. После возвращения из этой поездки 9 января 1946 г. Эренбург выступил в комитете с докладом, стенограмма которого сохранилась в фонде ЕАК в ГАРФ[1].

Вечер вел Соломон Михоэлс, но поскольку выступление Эренбурга носило неофициальный характер, установить точное число присутствовавших и их имена не представляется возможным. По вопросам слушателей и тематике доклада, мы можем сделать вывод, что участники встречи были объединены общим интересом к жизни и послевоенной судьбе евреев в мире. Сам же Илья Эренбург сформулировал цель своего доклада так: рассказать «о евреях, которых я встречал, об их положении в различных странах, о том, что с ними случилось и о тех выводах, которые человек делает из всего, что он наблюдает»[2]. В ходе доклада Эренбург подробно рассказал о судьбе евреев в годы войны и после ее завершения в Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Чехословакии, Франции, Германии, а также о посещении Нюрнбергского процесса. Он подкреплял свои рассказы выдержками из материалов, собранных им в ходе поездки, а во время перерыва «представил зрительно ряд интересных документов», которые специально принес с собой[3].

Это лишь один из примеров той особой роли, которую играли советские писатели в жизни неформального сообщества, сформировавшегося вокруг ЕАК. Они не только служили мостом между евреями разных стран, но также

---

[1] ГА РФ. Ф. Р8114. Оп. 1. Д. 1053. Л. 107–128.
[2] Там же. Л. 107.
[3] Там же.

собирали и перевозили документы и свидетельства, а иногда и материальные предметы, найденные в местах массового уничтожения еврейского населения на оккупированных территориях. Так, 21 июня 1945 г. секретарь ЕАК в Софии Моис Бениеш написал письмо Василию Гроссману, ставшее реакцией на публикацию очерка «Треблинский ад», и направил его на адрес ЕАК в Москве. В письме болгарский актер и режиссер просил Гроссмана, а через него и других советских военных корреспондентов (Илью Эренбурга, Михаила Шолохова, Константина Симонова) сообщить что-либо о судьбе 13 тысяч евреев, высланных из Македонии и Фракии в 1943 году. Выдержки из данного письма были опубликованы в болгарской газете «Еврейские вести» 30 июня 1945 г.[1]

Интересно, что свой ответ Гроссман направил не официальным путем, а передал через Илью Эренбурга, к тому моменту, формально разорвавшему свои контакты с ЕАК. Во время своей зарубежной поездки Эренбург лично в сентябре 1945 г. вручил письмо сотрудникам Еврейского антифашисткого комитета в Софии вместе с записной книжкой македонского еврея, найденной Гроссманом на территории Треблинки[2]. Ответное письмо Василия Гроссмана также было опубликовано в газете «Еврейские вести» (6 октября 1945)[3].

Это далеко не единственный прецедент такого рода. Используя международные контакты, установленные ЕАК, Василий Гроссман 25 января 1947 году передал через художника Рафаэля Хволиса коллекцию документов

---

[1] Писмо до съвет. евр. писател В. Гросман // Еврейски вести. София, 30 юни 1945. № 35. С. 3.

[2] В ходе выступления 9 января 1946 года Илья Эренбург сообщает следующее: «Василий Семенович Гроссман, который произвел тщательное и исключительное по своему значению обследование Треблинки, обнаружил там документ, который мы сочли за болгарский, потому что он был на записной книжке болгарского Красного креста, среди убитых. Этот документ по просьбе евреев Болгарии, я повез от имени Гроссмана болгарским евреям и там было установлено, что это документ македонца, который рассказывал об убийстве македонских евреев. То, что можно было извлечь из этого документа, было тотчас же напечатано в газете «Еврейские вести», также, как и личное письмо Гроссмана, где он рассказывал об обстоятельствах, при которых он обнаружил этот документ». См.: ГА РФ. Ф. Р8114. Оп. 1. Д. 1053. Л. 114.
Вопреки утверждению И. Эренбурга в газете «Еврейские вести» (6 октября 1945) было опубликовано только ответное письмо Василия Гроссмана.

[3] Ужасната съдба на македонските евреи. Писмото на съв. Писател Василии Гросман до Еврейския антифашистки комитет в София // Еврейски вести. София, 6 октомври 1945. № 49. С. 1–2.

и материальных предметов из архива Лодзинского гетто и Треблинки в Еврейский музей Вильнюса[1].

Другой показательный пример того, как стихийно возникшее вокруг ЕАК сообщество памяти разрасталось и выходило за формальные рамки — малоизученная история антифашистского клуба «Илья Эренбург», созданного в конце июня 1945 г. в Болгарии. Сам Илья Эренбург рассказал об этой организации следующее: «Из культурной жизни еврейства в Болгарии укажу на деятельность общества, которое около года тому назад обратилось с просьбой ко мне разрешить именоваться моим именем. Для меня это было честью, причем двойной честью, так как это исходило от евреев и от болгар. Я дал согласие. Это общество называется “Общество борьбы с антисемитизмом и расизмом ‘Илья Эренбург'”. Общество имеет разветвления во всех городах, где живут болгарские евреи и число его членов включает все еврейское болгарское население старше 16-ти лет. В работе этого общества принимают участие и не евреи, а также и болгары»[2]. Показательно, что данная организация, возникшая с согласия и при поддержке Ильи Эренбурга, установила и поддерживала контакты с ЕАК. Члены общества состояли в неформальной переписке с рядом сотрудников комитета и поддерживали контакты с ними даже после конфликта Эренбурга с руководством ЕАК. Так, летом 1946 года завязалась переписка Рашель Шемтовой, представительницы «женской секции организации имени Ильи Эренбурга», с филологом, историком и редактором Рахиль Ковнатор, подготовившей несколько статей для «Черной книги»[3].

Приведенные примеры показывают, что сообщество памяти жило и функционировало и вне работы над «Черной книгой», внутри этого неформального сообщества люди получали возможность не только демонстрировать лояльность советскому государству, победившему нацизм,

---

[1] Опись предметов, переданных в Еврейский музей Вильнюса см.: ГА РФ. Р-8114. Оп.1. Д. 960. Л. 331–333.
[2] ГА РФ. Ф. Р8114. Оп. 1. Д. 1053. Л. 114.
[3] См. Письмо от Рашель Шемтовой к Рахиль Ковнатор от 1 августа 1946: ГА РФ. Ф. Р8114. Оп.1. Д. 960. Л. 334–337; Письмо от Рашель Шемтовой к Рахиль Ковнатор от 31 декабря 1946 года: ГА РФ. Ф. Р8114. Оп.1. Д. 960. Л. 340–341 и др.

но и проживать утраты, скорбеть, ощущать свою сопричастность к жизни евреев, рассеянных по разным странам, разделять с ними ответственность за сохранение памяти об опыте войны и Холокоста, обмениваться информацией, документами, устными и письменными свидетельствами, материальными предметами, контактировать с простыми людьми и официальными учреждениями за рубежом. При этом, организующим ядром этого сообщества были советские интеллектуалы, участвовавшие в документации Холокоста. Они выполняли функцию медиаторов и их деятельность не ограничивалась работой над «Черной книгой», а в случае с Ильей Эренбургом не прервалась даже после его конфликта с руководством комитета и формальным разрывом с ЕАК.

КАМПАНИЯ ПО ДЕЗИНФОРМАЦИИ О «ДЕЛЕ ЕАК»

Джошуа Рубинштейн (Бостон, США)
Joshua Rubinstein

Аннотация: В этом докладе исследуется, как Кремль полагался на различных деятелей культуры, чтобы вводить общественное мнение на Западе в заблуждение на протяжении нескольких десятилетий. Поскольку некоторые писатели, которые творили на идише, пользовались международной репутацией и имели личные связи в Европе и Америке, Кремль понимал необходимость отвлечь внимание от их судьбы, а потому дал указание советским деятелям культуры, таким как Александр Фадеев и Илья Эренбург, либо лгать, либо вводить людей в заблуждение во время международных путешествий.

Annotation*:* This talk explores how the Kremlin relied on various cultural figures to mislead public opinion in the West over the course of several decades. Because several of the Yiddish writers enjoyed international reputations and had personal connections in Europe and America, the Kremlin understood the need to deflect attention to their fate and to instruct Soviet cultural figures, like Alexander Fadeyev and Ilya Ehrenburg, to either lie or mislead people they met during their travels.

Ключевые слова: Пол Робсон, Александр Фадеев, Илья Эренбург, Пол Новик, еврейские писатели.

Key words*:* Pol Robson, Alexander Fadeyev, Ilya Ehrenburg, Paul Novik, Yiddish writers

Более двадцати пяти лет назад меня попросили отредактировать англоязычное издание сборника «Неправедный суд: последний сталинский расстрел»[1], который вышел в Москве в 1994 г. и включал стенографический

[1] Неправедный суд. Последний сталинский расстрел: Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского комитета. М.: Наука, 1994; Stalin's Secret Pogrom. The Postwar Inquisition of the Jewish Anti-Fascist Committee / Eds. J. Rubinstein, V. P. Naumov, L. E. Wolfson. Yale University Press, 2001.

отчет о тайном суде над пятнадцатью членами ЕАК. В то время я тесно сотрудничал с покойным Владимиром Павловичем Наумовым, который оказал мне щедрую помощь, когда я провел собственное исследование истории ЕАК, чтобы написать предисловие к англоязычному изданию этого сборника.

В нем я рассказал о реакции Запада на исчезновение деятелей еврейской культуру в ходе визита Александра Фадеева в Нью-Йорк[1] и Париж[2] в 1949г., поездок Ильи Эренбурга в Париж и Лондон в 1949 и 1950 гг.[3], а также о встрече певца Пола Робсона с Ициком Фефером в Москве в 1949 г.[4] Я также упоминал как Пол Новик и другие американские коммунисты-евреи реагировали на слухи о судьбе советских идишистских писателей[5]. Мне уже тогда было очевидно, сколько усилий Кремль прилагал в течение ряда лет, чтобы скрыть то, что произошло с членами ЕАК. Эта кампания по дезинформации длилась почти 40 лет после одного из самых циничных преступлений Сталина, развернувшимся всего через несколько лет после поражения нацистской Германии.

Убийство Соломона Михоэлса в январе 1948 г. и последовавшие за ним публичные государственные похороны можно назвать первым шагом в этом процессе. Несмотря на то, что он был убит по личному приказу Сталина, режим не был готов публично осудить его. Вместо этого убийство было представлено как дорожно-транспортное происшествие, и его поклонникам было позволено оплакивать Михоэлса. В прессе о нем не было сказано ни одного отрицательного слова. Однако мы знаем, что за несколько месяцев до печально известного процесса над Сланским в ноябре 1952 года, советские

---

[1] 14 июня 1949 г., через три месяца после встречи с Фадеевым в Нью-Йорке, еврейский писатель и редактор Нахман Майзл, в письме к нему интересовался судьбой еврейских писателей и организаций (См. Center for Judaic Studies Library, University of Pennsylvania, Philadelphia. B. Z. Goldberg papers, Box 75).

[2] См. Fast H. Being Red. Boston, 1990. P. 206–207, 217–219.

[3] Goldberg A. Writing, Politics, and the Art of Survival. London, 1984. P. 11, 240.

[4] Интервью автора с сыном П. Робсона в 1997г. (личный архив Дж. Рубинштейна)

[5] Об этом П. Новик рассказал в письме Шолому Ашу от 5 июля 1949 г. (См. Harshav B. The Life of Marc Chagall: A Documentary Narrative. Stanford University Press, 2004).

следователи, отправленные в Прагу, упоминали С. Михоэлса, называя его «вероломным сионистом» во время пыток подсудимых-евреев[1].

Даже объявление о «деле врачей» в январе 1953 г. имело элемент искажения в отношении судьбы Еврейского антифашистского комитета. Все мы помним, как советская пресса впервые обвинила Михоэлса в том, что он «известный еврейский буржуазный националист». Но в сообщении ТАСС также упоминался Борис Шимелиович, бывший директор Боткинской больницы, фигурировавший в числе подсудимых на процессе Еврейского Антифашистского Комитета. Утверждалось, что Шимелиович участвовал в заговоре с целью убийства советских лидеров. В тексте не говорилось, был ли он арестован или нет, и не сообщалось, что он уже мертв. В сообщении не упоминался и суд по делу ЕАК, где такое обвинение не было предъявлено. Но упоминая одного из подсудимых, Кремль, вероятно, готовился связать «дело ЕАК», остававшееся государственной тайной, с «делом врачей», которое только сейчас было раскрыто.

Здесь я хотел бы напомнить об официальном опровержении дела врачей, которое произошло всего через месяц после смерти Сталина. В двух сообщениях в «Правде» от 4 и 6 апреля 1953 г. говорилось, что врачей ложно обвинили и теперь они освобождены. Также все обвинения были сняты с С. Михоэлса.

В контексте советской истории раскрытие этой информации было беспрецедентным жестом со стороны режима, который никогда не совершал ошибок и никогда не признавал своей неправоты. Ничего подобного этому официальному признанию в преступлении никогда не было в советской печати.

Однако, у откровенности Кремля были пределы. По меньшей мере двое врачей подвергались пыткам: среди публично упомянутых в заявлении ТАСС от 13 января 1953г. были профессора М. Б. Коган и Я. Г. Этингер. Теперь же

[1] См. Oren M. Prisonnier Politique à Prague (1951–1956) Paris, 1960. P. 315.

их имена не упоминались в списке реабилитированных — заметное и необъяснимое отсутствие. Не было упоминания и о Борисе Шимелиовиче. И ничего не говорилось о репрессиях против Еврейского антифашистского комитета, казни его членов или широкомасштабной чистке идишской культуры. Никогда не было полного объяснения преследований, угроз, увольнений с работы и общей атмосферы страха, охватившей страну в течение многих недель антисемитских оскорблений в январе и феврале 1953 г. О широкой пропагандистской кампании, продолжавшейся несколько лет, речи не шло. Никаких извинений за истерию в больницах, за панику в еврейских семьях, за яростные обвинения в адрес сионизма и Израиля. Слова «еврей», «сионист», «Джойнт» и «американский империализм», которые так подчеркивали обвинения в январе, не появились в апрельских опровержениях. В них инициатора «дела врачей» Михаила Рюмина обвиняли в «разжигании чувства национального антагонизма» и при этом не уточнялось, что он преследовал евреев.

Вся антисемитская кампания была настолько публичной и всеобъемлющей, что рассмотрение ареста врачей как изолированной судебной ошибки означало: режим, несмотря на свое беспрецедентное признание, занимался своего рода сокрытием - в то же самое время, когда он освобождал выживших врачей и дезавуировал обвинения против них. Даже когда режим «реабилитировал» Соломона Михоэлса в том смысле, что он снял с него все обвинения в измене или шпионаже, он не смог сказать, как он погиб или кто заказал его убийство.

Здесь я хотел бы сослаться на еще одну фальсификацию, которая (по крайней мере, в еврейских кругах на Западе) еще больше запутала людей в отношении судеб подсудимых. В 1956 г. журналист Бернард Тернер опубликовал в идишском журнале Die Goldene Keyt («Золотой ключ»), который издавался в Израиле, статью, в которой обвинил Илью Эренбурга в предательстве подсудимых по делу ЕАК. Тернер утверждал, что он якобы находился в сибирском трудовом лагере вместе с Ициком Фефером и Давидом

Бергельсоном, которые рассказали ему о суде и о судьбе других подсудимых. По словам Тернера, ему сказали, что Перец Маркиш находится в одиночной камере в том же трудовом лагере, а Соломон Лозовский покончил жизнь самоубийством на Лубянке из-за перенесенных пыток.

Тернер также утверждал, что они якобы сказали ему, что Илья Эренбург был главным свидетелем обвинения против подсудимых. Статья Тернера была полной выдумкой. Тернер не мог видеть подсудимых, потому что они никогда не покидали Лубянку живыми.

К сожалению, обвинения Тернера были подхвачены Le Monde в Париже и левым журналом Dissent в Нью-Йорке. Не говоря уже о том, что такая клевета компрометировала авторитет И. Эренбурга на Западе, она также помогла еще больше скрыть правду о процессе и переложила вину с Кремля на еще одного еврея.

Даже в 1968 г., когда в Москве вышел сборник стихов П. Маркиша, который трагически погиб в 1952 г., в предисловии Сергея Наровчатова использовались только самые неуклюжие эвфемистические выражения о судьбе поэта: «тьма, которой он так страстно противостоял, сомкнулась вокруг него»[1].

[1] Маркиш П. Стихотворения и поэмы. М.: Советский писатель, 1968. С. 25.

ФОРМЫ УВЕКОВЕЧЕНИЯ ПАМЯТИ ЧЛЕНОВ ЕВРЕЙСКОГО АНТИФАШИСТСКОГО КОМИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА ИМ. С. МИХОЭЛСА

FORMS OF PERPETUATING THE MEMORY OF MEMBERS OF THE JEWISH ANTI-FASCIST COMMITTEE IN THE CONTEXT OF THE ACTIVITIES OF THE INTERNATIONAL CULTURAL CENTER NAMED AFTER S. MIKHOELS

И. Э. Горюнова (Москва, Россия)
I. E. Goryunova

Аннотация: В статье, посвященной выдающемуся деятелю российской и еврейской культуры, композитору, народному артисту РФ, заслуженному деятелю искусств РФ, основателю и генеральному директору Международного культурного центра имени С. Михоэлса и Международного фестиваля искусств имени С. Михоэлса, первому президенту Федерации еврейских общин России Михаилу Семеновичу Глузу (19.09.1951 — 8.07.2021), рассматриваются различные социально значимые культурные и общественные проекты, посвященные Еврейскому Антифашистскому Комитету и его руководителю, народному артисту СССР Соломону Михоэлсу.
Annotation: The article is dedicated to Mikhail Semenovich Gluz, the outstanding figure of Russian and Jewish culture, composer, People's Artist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, founder and CEO of the International Cultural Center named after S. Mikhoels and the International Festival of Arts named after S. Mikhoels, the first president of the Federation of Jewish Communities of Russia (09/1951 — 07/28/2021). The author examines various socially significant cultural and public projects dedicated to the Jewish Anti-Fascist Committee and its leader, People's Artist of the USSR Solomon Mikhoels.

Ключевые слова: Международный культурный центр имени С. Михоэлса, Международный фестиваль искусств имени С. Михоэлса, Михаил Глуз, увековечение памяти

***Key words*:** The International Cultural Center named after S. Mikhoels, the International Festival of Arts named after S. Mikhoels, Gluz, perpetuating the memory.

«Соплеменник мой, призрак безглавый,
Как ты мог головы не сберечь?
— Захотел я свободы и права,
Вот и скинули голову с плеч».
Перец Маркиш

Я посвящаю эту статью Михаилу Семеновичу Глузу (19.09.1951 – 8.07.2021) – выдающемуся деятелю российской и еврейской культуры, композитору, народному артисту РФ, заслуженному деятелю искусств РФ, основателю и генеральному директору Международного Культурного Центра им. С. Михоэлса и Международного Фестиваля искусств имени С Михоэлса, первому Президенту Федерации еврейских общин России (1999–2008)[1]. Личность, снискавшая большой авторитет своей многогранной деятельностью – композиторской, исполнительской, общественно-просветительской, реально воздействовавший на процессы развития еврейской культуры (в России и за рубежом), во многом определивший высоту ее общих духовных критериев и профессионального уровня, Михаил Глуз является важной фигурой в деле сохранения исторической памяти.

Создание М. С. Глузом в феврале 1989 г. в Москве Международного Культурного центра имени Соломона Михоэлса – факт исторического значения, рождение значимого в масштабах страны культурно-коммуникативного феномена. Напомню, Центр им. Михоэлса стал первой в СССР организацией, поставившей своей целью развитие и сохранение еврейской культуры и истории, части мировой[2]. На открытии Центра присутствовало немало зарубежных

[1] Глуз Михаил Семенович // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Глуз,_Михаил_Семёнович (дата обращения: 10.11.2021); В Москве состоялся I съезд Федерации Еврейских общин России // Лехаим. 1999. № 11 (91). С. 3.

[2] История // Международный Культурный Центр им. С. Михоэлса. URL: http://mikhoelscenter.ru/ (дата обращения: 10.11.2021).

дипломатов, глава Еврейского агентства Сохнут в СССР Симха Диниц. Из США прилетел президент Всемирного еврейского конгресса Эдгар Бронфман, из Австралии – вице-президент Изи Либлер. Из Америки прибыл писатель, лауреат Нобелевской премии Эли Визель. Приветствия прислали руководители многих стран, среди них – премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер и премьер-министр Австралии Роберт Хоук, госсекретарь США Джордж Беккер и премьер-министр Израиля Ицхак Шамир. Руководители же советского государства хранили молчание. Говорить о возрождении национальной еврейской культуры в СССР и трагических страниц еврейской истории было ещё опасно. Несмотря на это, в зале, на церемонии открытия присутствовали: Юрий Любимов, актеры Театра на Таганке, Нонна Мордюкова, известные деятели искусств, которые считали происходящее важным событием в общественной и культурной жизни страны.

В первой половине 90-х гг. XX века (так называемый постсоветский период) в России возникла потребность самоопределения личности в новых социально-политических условиях. Актуальным становится новый взгляд на проблемы национального культурно-исторического наследия, на роль личности в нем, которая нередко в тоталитарной истории страны была трагической.

В этой связи, логическим продолжением деятельности созданного Михаилом Глузом Культурного Центра им. С. Михоэлса явилось рождение столь значимого культурно-социального Проекта, как Московский Международный Фестиваль искусств имени Михоэлса. Летом 1997 г. мы начали подготовку к открытию I фестиваля, посвященного 50-летию трагической гибели, вернее убийства Михоэлса. Я – в качестве художественного руководителя, главного режиссера, Михаил Глуз – в качестве генерального директора продюсера[1]. Первым шагом на пути к реализации поставленной задачи стало письмо выдающихся деятелей многонациональной российской культуры к Президенту России Борису Ельцину. Среди обратившихся были Галина Уланова, Евгений

[1] Горюнова И. Э. Свет блуждающей звезды // Российские вести. 1997. 9 авг. (№ 147). С. 5.

Евтушенко, Михаил Ульянов, Мстислав Ростропович, Владимир Васильев, Юрий Никулин. Армен Джигарханян, Юрий Башмет, Вахтанг Кикабидзе, Игорь Моисеев, Николай Сличенко, Марк Захаров и многие другие[1]. Интерес к личности Михоэлса, к событиям Фестиваля, к его многочисленным участникам был ошеломляющим. Газета «NewYorkTimes» (14.01.1998) писала: «В этом Фестивале все посвящено Михоэлсу и связано с его трагической судьбой. Длинные очереди на спектакли, большое количество премьер с участием всемирно известных деятелей еврейской культуры иллюстрируют атмосферу фестиваля. Как сказал известный писатель Эдуард Тополь, участник фестиваля, для тех из нас, кто жил в Советские времена подобное событие кажется просто невероятным»[2]. Е. Евтушенко, участник многих наших проектов, автор специально написанного к фестивалю поэмы «Шекспир о Михоэлса», подарил книгу с надписью: «Михаилу Глузу. Человеку, которому удалось сказку сделать былью».

«Фестиваль имени Соломона Михайловича Михоэлса – это преемственность поколений, течения того духовного потока, о котором писал друг Михоэлса, один из членов ЕАК – великий поэт Перец Маркиш после его смерти…», – это слова народного артиста СССР Михаила Ульянова, сказанные им в фильме«Соломон Михолс. Возвращение», созданном МКЦ им. Михоэлса (режиссер К. Бромберг) и в значительной степени посвященном ЕАК[3].

Для меня как художественного руководителя и главного режиссера Фестиваля важно было сделать его не только многонациональным, но и многожанровым. Программы десяти фестивалей (1998–2009) представили зрителям полторы сотни театральных, хореографических, кинематографических и музыкальных премьер. Созданы документальные фильмы, такие как «Соломон Михоэлс. Возвращение» и «Осколки убиенного театра», выпущены книги, посвященные Михоэлсу, расстрелянным членам Еврейского антифашистского

[1] Проекты: 1998 // Международный Культурный Центр им. С. Михоэлса. URL: http://mikhoelscenter.ru/--------1998. (дата обращения: 10.4.2022).
[2] Festival Jewish Culture // New York Times. 1998. 14 Jan. P. 8.
[3] Ульянов М. А. Михоэлс для меня… / публ. И. Э. Горюновой // Новый XXI век. 2002. № 2. С. 333–334.

комитета. Были развернуты художественные и фотовыставки отечественных и зарубежных мастеров, проведены кинематографические конкурсы телевизионные трансляции открытий и закрытий Форумов. Гостями всех, десяти фестивалей были дочери Соломона Михоэлса, его внучка и правнучка, а также актеры театра ГОССЕТ[1].

Одной из наиболее значимых и масштабных работ, посвященных расстрелу Еврейского антифашистского комитета, явилось закрытие IV Московского Международного Фестиваля искусств им. С. Михоэлса, который был посвящен 50-летию расстрелу ЕАК (ГЦКЗ «Россия», 2002 г.). Вся Оригинальная музыка была написана к представлению композитором Михаилом Глузом[2].

На экране, декорационно оформленном в виде папки судебного дела, перетянутой колючей проволокой, на которой возникали документальные фотографии осужденных (заслуженный художник РФ Александр Мальков). Для данной сценической версии мной, автором сценария и режиссером, были отобраны трагические биографии нескольких выдающихся общественно-политических деятелей, расстрелянных 12 августа 1952 г. На сцене их представляли: народный артист СССР Владимир Андреев (Перец Маркиш), народные артисты РФ Михаил Светин (Вениамин Зускин), Зиновий Высоковский (Соломон Лозовский), заслуженный артист России Владимир Долинский (Борис Шимелиович), Нина Михоэлс (Лина Штерн). Собирательный образ следователя НКВД сыграл заслуженный артист России Владимир Конкин. Актер появлялся перед зрителями лишь единожды, зачитывая ключевой для драматургии постановки архивный документ – решение ЦК ВКПб о закрытии Еврейского антифашистского комитета. В это время на заднике – экране зрители видели фото-слайд подлинной вывески ЕАК. Слайд был смонтирован таким образом, что в нем зеркально отражался московский пейзаж тех лет. Закончив

---

[1] Проекты // Международный Культурный Центр им. С. Михоэлса. URL: http://mikhoelscenter.ru/--------1998---..html (дата обращения: 10.4.2022).

[2] Горюнова И. Э. Режиссура массовых театрализованных зрелищ и музыкальных представлений: Композитор-Санкт-Петербург, 2009. С. 150

зачитывать документ, Конкин резко поворачивался к вывеске, одновременно раздавался оглушительный звон разбитого стекла, и слайд мгновенно превращался в разбитую вывеску ЕАКа. Таким образом, аудиовизуально реализовывалась мысль о том, что уничтожена не только известная всему миру организация, но и о том, что разбитыми окажутся судьбы сотен людей.

Аудиовизуальный образ как прием возникал каждый раз с появлением одного из персонажей с одновременным появлением на сцене фрагментов тюремной решетки и теневой ширмы, на которой во время допросов появлялся узнаваемый силуэт следователя. По режиссерскому решению лица заключенных в сценах допроса высвечивались белым светом, что называется крупным планом, а сами артисты находились на авансцене за большой решеткой (фрагментом тюремной камеры). Собирательный образ следователя, коих по стране были тысячи – и все они были одинаковыми винтиками одной сталинской машины, – тенью возникал за ширмой. Со звуками скрежета замка и захлопывающегося карцера давался яркий белый луч света на решетку, за которой находился заключенный. Одновременно высвечивалась тень одетого в военную форму сидящего за столом следователя.

В сценариях массовых театрализованных представлений наличие документального материала часто является доминирующим. И в данном случае процесс отбора был не простым, конечно я знакомилась с архивными материалами, но в первую очередь, мне помогли работы Геннадия Костырченко. Ведь именно в процессе отбора, а затем монтажа проявляется гражданская и художественная позиция постановщика. Был выпущен памятный буклет фестиваля, оформление которого коррелировалось с визуальным сценическим решением.

Особым событием в общественно-просветительской деятельности МКЦ им. С. Михоэлса по увековечению памяти ЕАК стало открытие памятника, посвященного его расстрелянным членам. Он появился на Донском кладбище в

Москве 12 августа 2004 г[1]. Многие не верили, что эта идея будет реализована. Чиновничьи запреты, казалось, побеждали. М. С. Глуз, которому принадлежала данная инициатива, не отступал, ходил по кабинетам, приводил аргументы. Поддержку и содействие в реализации идеи оказывал и Центр Холокост. поддержал инициативу первый заместитель мэра Москвы Владимир Ресин. Принадлежащий мне художественный замысел памятника воплотил скульптор Марк Шуб, но без упорства и активной общественной деятельности Михаила Глуза этого памятника, конечно бы, не было. На открытие по приглашению Центра им. Михоэлса приехали дети расстрелянных членов ЕАК – Алла Зускина, Давид Маркиш, а также семья Михоэлс, присутствовали послы многих стран. Сегодня к памятнику водят экскурсии, он стал знаковым символом исторической памяти.

[1] Лавренюк Б. На Донском кладбище открыт Мемориал деятелям Еврейского антифашистского комитета // ИТАР-ТАСС. 2004. 21 авг. URL: https://iz.ru/news/294521(дата обращения: 15.10.2021).

СВЕДЕННИЯ ОБ АВТОРАХ

Альтман Илья Александрович, сопредседатель Научно-просветительного Центра «Холокост», профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), директор Международного научно-образовательного центра истории Холокоста и геноцидов РГГУ, член Совета по истории Великой Отечественной войны РАН (Москва, Россия)
E-mail: ilya@holofond.ru

Бисенгалиев Марат Кабдушевич, независимый исследователь, член Платоновского философского общества (Москва, Россия)
E-mail:bermont_avalov@mail.ru

Волохова Юлия Альбертовна, независимый исследователь, редактор образовательного проекта «Лаборатория ненужных вещей» при Независимом московском университете (Москва, Россия*)*
E-mail: j.volokhova@yandex.ru

Горюнова Ирина Эдуардовна, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, Художественный руководитель-главный режиссер Международного Культурного Центра им. С. Михоэлса, Генеральный директор международного Фонда поддержки Отечественной культуры «Единство» (Москва, Россия)
E-mail: ieg15@yandex.ru

Зускина-Перельман Алла Вениаминовна, независимый исследователь, дочь Вениамина Зускина и автор книги о нем, пенсионерка. (г. Ор Егуда, Израиль).
E-mail: alazup@gmail.com

Костырченко Геннадий Васильевич, доктор исторический наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия).
E-mail: genkost@mail.ru

Лаврова Любовь Борисовна, независимый исследователь (Москва, Россия)
E-mail: lyulav0227@gmail.com

Рубинштейн Джошуа, историк, писатель (Бостон, США)
E-mail: rubenstein.joshua@gmail.com

Селицкая Ольга Николаевна, ведущий специалист отдела научно-справочного аппарата Российского государственного архива экономики (Москва, Россия).

Тиханкина Светлана Анатольевна, руководитель образовательных программ Центра «Холокост», аналитик Международного научно-образовательного центра истории Холокоста и геноцидов РГГУ, кандидат философских наук (Москва, Россия)
E-mail: tihankina_64@mail.ru

Энгельс Александр Семенович, историк, автор книг «Черта. 1791-1917» и «Генерал Крейзер. Историко-биографическое исследование». Руководитель ассоциации по изучению еврейской истории «Четвертое поколение» (Тулуза, Франция)
E-mail: alexander.engels@4-generation.org